

18+

Владимир Дулга

Поезд призрак

Фантастика

Владимир Дулга

Поезд-призрак. Фантастика

«Издательские решения»

Дулга В.

Поезд-призрак. Фантастика / В. Дулга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904620-8

Школьные друзья, встретившись через много лет, решают выполнить юношескую мечту — разгадать тайну, разговаривать о которой боятся местные жители. Они опускаются в тайный лаз под скалой с таинственными древними надписями.

ISBN 978-5-44-904620-8

© Дулга В.
© Издательские решения

Содержание

ОБ АВТОРЕ	7
О книге	8
Поезд призрак	9
Фантастическая повесть	9
Загадочные камни	10
Под скалой	14
Побег	20
Поезд	23
Многослойное время	27
Ломбардский тоннель	30
Аненербе	36
Тайшет	39
Севернее Байкала	42
Дорога в никуда	48
Место где перепрягают оленей	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Поезд-призрак Фантастика

Владимир Дулга

Иллюстратор Владимир Дулга

Фотограф Владимир Дулга

© Владимир Дулга, 2020

© Владимир Дулга, иллюстрации, 2020

© Владимир Дулга, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4490-4620-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБ АВТОРЕ

Владимир Дулга (Гниляков) родился в городе Шадринске 17 мая 1948 года. Малой Родиной считает Забайкалье, где прошло детство и юность. Большую часть прожитых лет, посвятил военной службе. Окончил Благовещенское таковое командное училище и Академию Бронетанковых войск. Служил в Туве, Хакасии, Омске, Группе советских войск в Германии, три года был военным советником в Сирии. Службу закончил на преподавательской работе. С июля 2015 года член Российского Союза писателей. Номинант национальной литературной премии «Писатель года» 2015, 2016, 2017 годов. Печатался в издательстве «Ридеро», альманахах Российского Союза писателей «Проза» в 2015, 2016, 2017, 2018 годов, на порталах «Самиздат» и «Проза.ру».

О книге

Школьные друзья, встретившись через много лет, решают осуществить юношескую мечту. Разгадать тайну мрачной скалы, о которой даже бояться разговаривать местные жители. Они спускаются в потайной лаз под плитами с таинственными надписями, в основании скалы. И попадают в другое время, в мир других людей и событий. Один из друзей оказывается в поезде-призраке, из которого невозможно выйти. Где вынужден общаться с человеком, профашистских взглядов, устремлений и поступков. Негасимое желание выжить, и вернуться в свой мир, придаёт ему силы.

Судьба его товарища остаётся неизвестна.

Поезд призрак

Фантастическая повесть

Загадочные камни

Эта история началась давно, во второй половине прошлого столетия на небольшой железнодорожной станции, расположенной на берегу быстрой таёжной реки.

Школьные друзья, соседи и заядлые рыбаки, Александр, и Михаил, встретились в отпуске, впервые за несколько лет после окончания учёбы.

Как принято на Руси в таких случаях, родные отпускников накрыли стол, пригласили гостей и родственников. Гости и друзья обменялись обязательными приветствиями и, в предвкушении обильного праздничного застолья и приятного времяпровождения за разговорами, расселись за столом. Звучали тосты, пожелания и приглашения приезжать почаще. Наконец, устав от застолья, раскрасневшиеся участники встречи, вышли в прохладу летнего вечера под бездонное чернильное небо с миллионами ярких звёзд.

– Хорошо дома! – шумно вдохнув наполненный ароматом вечерних трав воздух, промолвил Александр, – я часто вспоминаю детство, наши походы в тайгу, рыбалку, ночёвки у костра и искры, летящие, казалось к самым звёздам!

– Юность прекрасное время, – поддержал Михаил, – тогда казалось, что жизнь светла и бесконечна. Теперь, как говорится в песне, – «первый тайм мы с тобой отыграли». И поняли многое, – за плечами годы службы, жизненный опыт, бытовые заботы и начинающие сесть виски. Но в душе то мы по-прежнему мальчишки, что особенно чувствуется в отпуске. Своей семьёй, за бесконечными армейскими переездами, командировками и учениями, я так и не обзавёлся. Мама смеётся – «Ты в отпуске в детство впадаешь, самому впору бегать с детьми, лазать по заборам и плавать наперегонки, а мне хочется внуков нянчить».

– Конечно, и у меня в студенческие годы были и походы, и ночёвки у костра, в стройотряде, и песни под гитару, – продолжил Александр. – Но почему-то чаще вспоминается наша тайга, распадки, скалы, горные ручьи и чистые речки. В Краснодарском крае, со всеми его южными прелестями, такого не увидишь. Раньше мы с женой почти каждый год приезжали сюда – к родителям. Детишек не нажили, вероятно, по этой причине расстались и сейчас, как говорят, – «я в поиске».

– Ты знаешь, что чаще всего вспоминается? – помолчав, продолжил Миша, – вспоминаю нашу рыбалку на маленькой речушке, возле старинной деревни, в глухом, таёжном углу. Покрытые мхом древние камни с загадочными рисунками и непонятными надписями на берегу, рядом с угрюмой скалой.

– Я тоже частенько вспоминаю седого паромщика деда Богу, местных пацанов, их рассказы, похожие на легенды, о местах интересных и загадочных. Жаль, тогда не было с собой верёвки и фонаря, посмотрели бы, что же под теми камнями? Помнишь, там был лаз?

– Как не помнить? Но, лет-то, сколько прошло, поди, какой-нибудь богатенький Бурадино, уже увёз камни к себе в баню на каменку!

– Смеёшься Миша, для этого надобно всю скалу взорвать!

– Да, есть, что вспомнить!

Много лет назад, когда Саша ещё учился в институте, а Миша в военном училище, встретившись в одном из отпусков, друзья решили попытать рыбацкое счастье на одной из горных речек, протекающей в глухой тайге. Несмотря на то, что и на местной реке рыбы было предостаточно, рыбакам всегда кажется, – «что лучше там, где нас, нет!»

Пускай даже на этом же самом континенте, в этом же районе и области. Всего-то в пятидесяти километрах от места проживания рыбаков. Недалеко от соседней станции. В глухой тайге, в холодном ручье, с берегами, заросшими дикой смородиной, рыбы, несомненно, больше, чем на привычной, искрящейся на солнце перекатами и тихими плёсами, знакомой с детства речке.

Не удивительно, что между рыбаками, до сих пор, гуляет множество историй о чудесных уловистых местах на диких, нехоженных берегах таёжных ручьёв и речек, с непугаными тайменями, ленками и хариусами, зашедшими из основной реки в эти холодные воды, жаркими летними месяцами. Под впечатлением очередной «байки», друзья и решили попробовать счастье на одной из таких речушек.

В те далёкие времена, железная дорога была ещё не электрифицирована, только-только стали появляться редкие тепловозы, основную часть составов, как и прежде, «таскали» чёрные, отчаянно дымящие паровозы.

На мотоцикле Мишиных родителей, путешественники незаметно проехали полсотни километров и переправились на пароме через бурную речку. Паромщик – худенький, бойкий старичок, которого все, независимо от возраста, называли «дедом Богой», оказался общительным и говорливым, за время недолгой переправы на противоположный берег, он успел рассказать историю здешних мест и посёлка, куда друзья направлялись.

Оказывается, в этих краях, с незапамятных времён жили староверы, сбежавшие в Сибирь от притеснения церкви и властей. Позже, ещё до революции, в период строительства Транссибирской железной дороги, некий промышленник держал вблизи той деревушки угольную шахту. Якобы даже существовала узкоколейная железная дорога и деревянный мост через основную реку, по которой уголь вывозили для заправки паровозов. Там работало много приезжих, в основном переселенцев, у них часто возникали конфликты со староверами. Устав от мирской суеты, староверы оставили эти места, и ушли, как люди говорили, куда-то на север. Причём ушли разом, за одну ночь, оставив дома, скотину, громоздкую домашнюю утварь и даже лошадей. Ушли, как растаяли! Сначала считали, что их порешили озлобленные переселенцы. Приезжали следователи ГПУ, но ничего так и не нашли. Старообрядцы ушли, забрав все иконы и церковные книги.

Но после этого, на шахте стали пропадать люди, особенно работающие в ночную смену. Приезжий люд, «от греха подальше», начал разъезжаться, и в конце тридцатые годы, по решению советской власти, шахту закрыли, а вход взорвали

Потихоньку брошенную деревню заселили другие люди.

Речка, в которой друзья собирались рыбачить, оказалась узенькой, максимум – метров десять в самом широком месте, состоящая из чередующихся глубоких ям и бурлящих перекаатов. Над руслом во многих местах, касаясь воды, нависали ветви плакучих ив. Почерневшие от времени корни деревьев, там и тут выглядывали из бурного потока.

На берегу друзьям встретились местные пацаны, обещавшие показать рыбные места

Между тем небо потемнело, солнце скрылось за непроницаемыми тучами. Порывы ветра с шумом раскачивали ветви деревьев, пригибали к самой земле низкорослый кустарник на противоположной стороне речушки. От дальних сопok белёсой стеной приближался дождь. Пришлось укрыться в «штабе» ребятишек – землянке, отрытой в склоне горы. С небес ударил слепящий разряд молнии. Явственный треск электричества пронёсся рядом, обдав лёгким ветерком, от которого дыбом встали волосы на затылке и мороз иголочками пробежал по спинам. На вершине скалы сверкнуло иссиня – яркое пламя, берег реки качнулся, будто от удара. После слепящей вспышки, на мгновение наступила тьма. Следом небо с ужасным грохотом расколосось на миллионы мелких осколков, разлетевшихся над землёй в разные стороны, и вернулось многоголосым эхом отдалённых, нескончаемых, перекаатывающихся раскатов.

Рядом сверкнула ещё одна молния, с неба вновь обвалился могучий грохот. Редкие капельки дождя забарабанили по крыше землянки, и с монотонным шумом на землю хлынул дождь. В землянке было тесно, но сухо. В отверстие лаза виделось, как дождевые капли с силой ударялись о землю, растекаясь множеством маленьких ручейков, катились под горку, к речке и исчезали в её испещрённой другими каплями, водной глади.

Дождь неожиданно прекратился, хотя где-то вдалеке ещё грохотал уходящий гром, вскоре из-за туч выглянуло солнце. Над мокрой землёй поднимался еле заметный парок. Воздух наполнился прохладной влагой, запахами трав и мокрых деревьев.

Выбравшись из землянки, скользя по мокрой траве и обходя лужи, рыбаки вскоре подошли к скале непреступной вертикальной стеной возвышающейся над речкой, окрестными сенокосными лугами и соснами. Она, как инородное тело, вырвавшееся из плена песчаных пригорков, шагнула в сторону лугов, пытаясь уйти к своим подружкам, синеющим вдали, но остановилась в замешательстве перед бурной речкой. Со стороны реки скала возвышалась, как крепость. С севера, от песчаных взгорков и соснового леса, на неё можно было без труда взойти пешком. В основании скалы, среди нагромождения камней и мелких деревьев, выделялись две, почти гладкие плиты, с рисунками и непонятными надписями.

Высота надписей и изображений составляла около двух метров. Глубокая, вертикальная полоса, явно не природного происхождения, делила плиту на две части. Слева располагалось, нечто похожее на белое, круглое, островерхое здание, одновременно напоминающее буддийский Дацан, исламский минарет и индуистский храм. Островерхое изображение, без полумесяца, с двумя тёмными проёмами, напоминающими окна, тремя уступами расширялось книзу.

Правее, ещё более загадочное изображение, похожее на схему лабиринта, на неизвестный музыкальный инструмент, или на православный храм с маковкой наверху, но без креста.

Вверху правой части плиты, выбиты неизвестные иероглифы, отдалённо напоминающие арабскую письменность, вероятно, расположенные в три ряда.

Надписи и изображения левой части, скорее всего, были выполнены в одно время, профессионально, одним мастером и специальным инструментом. Судя по объёму работы, люди трудились над ними не один месяц.

В правом углу была небрежно изображена могила с православным крестом, а ниже надпись на старославянском языке, в которой с трудом читались слова и фраза – «Господи помилуй», а во второй строчке – «нас», «людям». Возможно и не так.

Эта надпись и изображение выполнено гораздо позже, не профессионально и примитивным инструментом.

Хотя ребяташки и называли это место «Або – бурятский Бог», оно никак не походило на место поклонения буддистов. Не было обязательных разноцветных ленточек, мелких денег и конфет ни возле скалы, ни на кустах и деревьях.

В основании скалы под землю уходил небольшой лаз, куда мог пройти худощавый, взрослый человек. Вероятнее всего, что это была нора какого-то дикого животного, возможно, лисицы. Мальчишки, стараясь не подходить близко к камням, сказали, что спускаться под землю запрещено. Якобы там, под землёй, кто-то живёт.

Ни фонаря, ни веревки, а главное – особого желания лезть вниз, и проверить эту версию, у друзей не было.

Вода в речке после дождя стала грязной, и рыбачить не было никакого смысла. Сделав несколько снимков, отправились домой.

Следующим утром, за завтраком, друзья вернулись к вчерашнему разговору.

– Слушай Саша, а почему бы нам съездить к тем камням ещё разок? Мы отпускники – люди свободные, махнём туда на рыбалку на несколько дней, заодно и посмотрим, что там под валунами лежит!

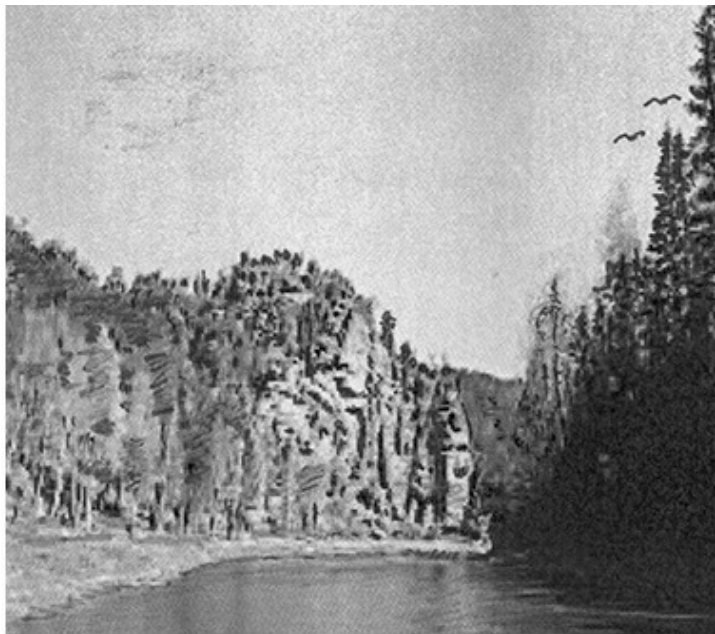
– Я думаю, – откликнулся Александр, – это вполне выполнимое предложение. Возьмём по удочке, удилица, если что, там срубим, хорошие фонари, прочные верёвки, продукты сегодня купим. И кое-что, по мелочи, – армейские фляжки, лопатки, желательна какую-нибудь монтировку, молоток поищем каждый у себя.

– У отца в гараже есть сапёрная лопатка, фляжки тоже найдём, где-то был хороший фонарь с литиевой батареей, правда тяжеловат, но зато надёжен. Думаю, обязательно пона-

добится компас. Сойдя с электрички, придётся двигаться пешком, так как неизвестно, существует та деревня, или уже нет? Мотоцикл-то в лесу не бросишь.

– Родителям скажем, что уезжаем на рыбалку дней на шесть, чтобы не волновались, – предложил Александр, – управимся раньше, раньше вернёмся.

– Замётано!

Под скалой

Туманным утром следующего дня они уже стояли на дощатом перроне маленькой станции, глядя на красные огни удаляющейся электрички.

К великому удивлению путешественников, паром по-прежнему существовал. На его деревянный настил, выбрасывая вверх облако чёрного дыма, карабкался колёсный трактор с прицепом. Паромщик – веснушчатый подросток, переложив громадное весло, надев на ручку проволочную петлю, подошёл к пассажирам. Паром, с шумом разрезая воду острым носом, двинулся к противоположному берегу.

– Давно не был в этих местах, – протягивая паромщику деньги, поинтересовался Миша, – когда-то тут работал добрый старик – «дед Бога».

– Его давно нет в живых, – ответил парень, – он мой дед, но я его не застал, мне о нём батя рассказывал.

Выяснилось, что трактор едет за сеном в нужную рыбакам сторону. В кабину к трактористу сел один мужчина, а другой залез на прицеп, куда следом за ним, последовали Александр и Михаил.

Сидя на нещадно болтающейся скамейке в кузове прицепа, стараясь перекричать рёв тракторного двигателя, разговорились.

Со слов местного бородатого мужчины, таёжная деревня давно потихоньку умерла. Сначала разъехалась молодёжь, потом родители с детьми – четырёхклассную школу-то закрыли, вскоре уехала «фельдшерица». Следом разъехался народ средних лет. Оставшиеся в деревне старики прожили недолго. Дома, что покрепче, разобрали и увезли на центральную усадьбу, для нужд колхоза.

– Давненько я там не был, – закончил бородач, – не знаю, может «каки» избы и остались ещё не разобраны.

Трактор, разбрызгивая лужи, ходко бежал по лесной дороге, съезжая с неё и опасно протискиваясь между стволами деревьев на обочине, когда на дороге возникала громадная грязная лужа с глубокими колеями и торчащими из грязи острыми камнями.

– Была дорога, как дорога, – зло матернулся мужик, – одно лето лесовозами лес повозили, и всё! Разбили в хлам!

Наконец рычащий трактор выбрался из-под разлапистых елей, и побежал по скошенному покосу. Грохот двигателя немного стих, разговаривать стало легче.

– Помнится, здесь где-то скала была с древними надписями. Она сохранилась? – спросил Михаил.

– А куда она скала-то денется? Так и стоит на краю покосов. Говорят, как ни гроза, обязательно в неё молния шибанёт! Гиблое место, прости меня Господи! Так вам надо к скале, аль к деревне?

– К скале, – ответил Саша.

Мужик встал и, повернувшись к трактору, свистнул. Переехав очередной маленький мостик через быструю речушку, трактор остановился.

– Вам так ближе будет, через покос. Вон, скала-то из-за ёлок выглядывает, напрямки и идите, «туда» болота нет, сухо! Назад к парому лучше вернуться часам к восьми, позже Андрюха паром закроет, и домой уйдёт. Будете добираться вплавь! Удачи!

Путешественники спрыгнули с прицепа и по свежескошенному лугу направились к торчащей над деревьями скале. Через какое-то время звук тракторного мотора стих, и в воздухе повисла гнетущая тишина. Ни пения жаворонка, ни чирикания птичек, ни журчания близкой речки. Тихо, как в могиле.

По мере приближения, каменный исполин казалось вырос на глазах и становился всё угрюмее и зловещее.

– Чёрт меня дернул предложить эту затею! – запоздало подумал Михаил, но промолчал.

Вскоре подошли к речке, где много лет назад друзья собирались порыбачить. Она протекала вдоль подошвы пологих песчаных высот, покрытых могучими соснами и елями. Кое-где из этой зелени, как стены древней крепости, торчали острые, растрескавшиеся скалы. За высотами, в паре километров, в обрамлении зарослей ивы, должна была протекать невидимая отсюда, основная река, за ней насыпь железной дороги и станция, на которой путешественники утром сошли с пригородной электрички.

Сама скала, как главная башня крепости, выпирала из самой высокой сопки и вроде, действительно собиралась убежать к дальним таёжным хребтам.

Речушка после прошедших дождей оказалось полноводной, пришлось раздеться и перебродить её по пояс в воде.

Возле скалы и на древних камнях всё оставалось по-старому, как много лет назад, словно время здесь остановилось. Засыпался грунтом лаз был едва виден в густой непрямой траве.

– Давай что-нибудь съедим, – предложил Саша.

– Пока нас не съели, – скалабурил Михаил.

Перекусив, они стали расчищать лаз. Вместо ожидаемого скального грунта, земля на месте лаза была мягкой. Вскоре отверстие была расчищено так, что в него без труда мог пролезть любой из друзей. Сначала хотели оставить нехитрые пожитки наверху, но Миша предложил забрать их с собой. Мало ли что ждёт их внизу. Размотали верёвку, один конец крепко обвязали вокруг одного из камней, второй закрепили за Мишкин ремень. Он взял малый китайский фонарик и осторожно стал протискиваться в лаз.

– Если там обрыв, сразу назад! – напутствовал Саша, не будем рисковать. Зачем нам эта нора!

В норе Михаилу пахнуло в лицо влажностью, прохладой и каким-то знакомым запахом, вспомнить который он не смог. Пол полого опускался вниз. Посветив фонариком, Миша увидел ровные стены и полукруглый свод, со стен спускались белёдые плети каких-то вьющихся растений.

– Похоже на проросшую в погребе картошку, – неожиданно для себя усмехнулся Михаил, – может и вправду это какое-то заброшенное овощехранилище.

– Как ты там? – донеслось сверху

– Нормально! Пока ничего интересного нет!

Спустившись ещё ниже, держась за стены, чтобы не скатиться, он почувствовал под ногами ступени. Посветил фонариком – действительно вниз вели узкие ступени и исчезающие за плавным поворотом. Михаилу сделалось страшно, и он чуть-чуть не повернул назад:

– А если там, в темноте, «волчья яма с кольями», как в фильмах об исследователях пирамид? – вновь подумал он, освещая фонариком стены, – думаю мин, или растяжек тут нет, война до Сибири не дошла. Пошупав рукой стену, отметил, – в скале вырублено, даже борозды от инструмента остались.

За поворотом оказался очередной поворот узкой лестницы. Вероятно, он спустился довольно далеко и Саша, не получив ответ на свои крики, начал суматошно дёргать верёвку. В ответ, Миша тоже дёрнул её несколько раз. Он вдруг почувствовал, что жутко замёрз, будто голым выскочил в сорокаградусный мороз на улицу.

– Не дай Бог фонарь потерять, – испугался Михаил, выключил фонарик и спрятал его в карман, мгновенно стало совершенно темно. Потерялось ощущение себя в пространстве, вязкая темнота была кругом, а он, казалось, висел в ней, как паук на собственной паутине, которому всё равно, где верх, а где низ. При мысли о липкой паутине, в окружающей темноте,

как на киноэкране, возник этот громадный паук с лоснящимся брюхом, жуткими клешнями и мохнатыми ногами. Он вполне мог прятаться где-то рядом.

– Ведь кому-то эта нора принадлежит? – прикинул Миша, – даже если её и ступеньки всё же прорубил человек, она вполне может быть занята каким-либо доисторическим животным, или гигантским насекомым. Возможно, там, глубоко под землёй, находится гнездо этой твари, с голодными, пищущими детишками. А тут из-за поворота, как раз я – еда, сама явилась! – улыбнулся он своим страхам. К тому же пока коридор один, а вдруг разветвится на несколько. Куда идти? Так можно и заблудиться! Тоже нашлись, спелеологи хреновы! Надо вернуться на поверхность и обмозговать ситуацию вместе с Сашкой!

Свет фонарика вновь раздвинул темноту. Опираясь о стены, нащупывая ногами ступени, Миша вылез на свет божий.

– Ну что там? – нетерпеливо осведомился Саша, собирая в кольцо верёвку, – ты так далеко ушёл, что мне пришлось ещё с одну верёвку привязывать.

– Пока верёвка там ни к чему, – ответил Михаил, – вниз ведёт почти идеальный круглый проход, с небольшим уклоном и вырубленными ступенями, вроде винтовой лестницы. Я два витка прошёл, никого и ничего не встретил. Там холодно и жутко темно, признаюсь – одному страшновато, начинает всякая ерунда в темноте мерещиться!

– Давай вдвоём пойдём, веселее будет!

– Вдруг что-то не так пойдёт? – возразил Михаил, – никто и не догадается, что мы туда спустились. Да и народ сюда не шибко ходит! Опят же, пока под землёй один тоннель, а как ответвления начнутся, – можем назад дорогу и не найти.

– Я на этот случай коробку мелков из дома прихватил, будем знаки ставить, помнишь, в детстве играли, – клад искали по стрелкам? Наверху записку оставим, кто мы и когда спустились.

– Придётся так и сделать. Питьевую воду в одну флягу сольём, а в освободившуюся, наберём воды из речки. На всякий случай!

Всухомятку перекусили и начали спуск. Впереди с маленьким фонарём шёл Михаил, сзади, периодически оглядываясь, включая свой фонарик и ставя мелом стрелки на стенах туннеля, двигался Александр. Ещё наверху они договорились пользоваться пока только маленькими фонариками, а большой, с его мощным светом, держать в резерве.

Миша считал пары шагов, вскоре они прошли, по его подсчётам, примерно сорок пять метров, сколько это могло составить в глубину горы, можно было только предполагать.

Внезапно освещаемые стены оборвались, за ними в проёме туннеля гнездилась чёрная пустота, маломощный луч фонарика ничего там не находил. Пришлось достать большой, как его называли, «караульный фонарь». Мощный, прожекторный луч преодолел тьму, и где-то в глубине неизвестного помещения, уперся в чёрную стену. Михаил, обвязавшись верёвкой, медленно двинулся по тоннелю, к порогу возникшей пустоты. Саша, пропустив верёвку за спиной, стравливал её, лёжа на ступенях, упёршись ногами в стены.

За порогом оказалось довольно большое помещение. На потолке, конусом уходящим вверх, виднелись фрагменты рисунков, похожие на церковные росписи. Все стены были вырублены в чёрном камне, похожем на уголь. На одной из стен, просматривались отдельные старославянские буквы, написанные белой краской, такие же, как на каменной плите возле скалы. Вероятно, что буквы когда-то составляли текст молитвы. Больше в помещении ничего не было.

Освещая фонарём стены, путешественники выявили существование ещё двух тоннелей уходящие вглубь горы, на стене, противоположной той, – со стороны которой они пришли. Наверное, здесь располагался тайный храм Православной Старообрядческой церкви, – предположил Михаил, – видишь, часть стены, где находится тоннель, откуда мы пришли, углублена. Там видны следы каких-то дверей. Вероятно, тут находился алтарь. Два других тоннеля, находящихся на противоположной стороне – вход в храм.

– Зачем за алтарём дверь? – недоумённо спросил Александр.

– Староверы, испытывая гонения со стороны официальной православной церкви и государства, уходили в необжитые места Сибири и Забайкалья. Жили отдельно по своим законам, стараясь не контактировать с остальным миром, строили тайные храмы и скрытно молились. Вот тут, наверное, и был такой храм. За алтарём потайная дверь, через которую прихожане и священнослужители, в случае опасности, могли покинуть церковь. Одновременно этот тоннель мог служить вентиляционной шахтой.

Неожиданно Михаил вспомнил слабый запах, наполняющий помещение – так пахло в церкви, куда его однажды водила бабушка. Пахло ладаном и восковыми свечами:

– Сколько лет прошло, как храм оставили, а запах до сих пор сохранился!

– Миша, время бежит незаметно, надо беречь большой фонарь и решать, что нам делать дальше, – поторопил Саша

– Назад мы всегда успеем вернуться, даже на ощупь. Давай по-быстрому проверим эти тоннели.

Левый из обследуемых тоннелей, круто поднимался вверх. Друзья даже запыхались, поднимаясь по его крутой лестнице. Но потом проход упёрся в завал, за которым просматривалась кованая дверь.

Времени пытаться её откопать, явно не было, и главное, не было чем эту работу сделать. Пришлось вернуться в помещение храма.

– Что будем делать? – спросил у друга Александр.

– Не знаю, и хочется и колется и батарейка слабая. Но, кроме того, что под землёй есть пустой храм, мы ничего нового не узнали. Бросить и уехать домой? Когда ещё выпадет случай встретиться и продолжить? Если вообще выпадет! Слушай, у меня в вещмешке ещё две стеариновых свечи лежат, из дома захватил! Спички есть, давай зажжём, посмотрим, – можно идти со свечой, или нет?

Михаил достал свечу, Саша чиркнул спичкой, свеча неярко вспыхнула, разгораясь всё сильнее и освещая небольшой круг.

– Видишь, по знакомой дороге, наверх, можно и со свечой выбраться! Смотри, язычок пламени всё время отклоняется в сторону вентиляционного тоннеля!

Держа свечу в руке, Михаил направился к правому тоннелю, язычок пламени отклонился от фитиля под прямым углом.

– Там где-то есть выход, или большая дыра наружу! – уверенно сказал он, – видишь, как тянет, пошли!

Вверху под куполом неожиданно, на долю секунды мелькнула яркая вспышка, осветив всё помещения. Ослеплённые ярким светом друзья замерли:

– Что это могло быть? – вытирая глаза, спросил Михаил.

– Наверное, какое-нибудь статическое напряжение, мы зашли, объём комнаты изменился, вот и проскочил разряд!

Когда, наклонив голову, Миша шагнул в узкий тоннель, то внезапно почувствовал сильное головокружение и резкую боль, как вспышка пронзившую мозг. Пройдя ещё шаг, остановился, опираясь на стену, и потряс головой. Саша тоже стоял рядом, слегка согнувшись и сжав голову руками.

– Тебя тоже, как кто по башке ударил? – с трудом разгибаясь, спросил он.

– Я думал, о притоку ударился. А тут над головой ещё добрых полметра! Как пронзило! Наверное, кислороду в подземелье маловато?

– По свече не скажешь – хорошо горит.

По правому тоннелю они крались довольно долго, батарейка одного из маленьких фонариков «сдохла», пришлось ограничиться неярким светом второго маленького фонаря и идти очень осторожно.

– Может, повернём назад, пока и в караульном фонаре батарейка не села, – забеспокоился Саша, – отсюда на ощупь точно не вернёмся! А я так по белому свету соскучился!

– Ты чувствуешь, что откуда-то сквознячком потягивает? – вместо ответа спросил Михаил, – так явственно потягивает. Где-то должен быть выход!

Действительно в тоннеле стало свежее, и на лице ощущался лёгкий ветерок. Боль и шум в голове постепенно стихли.

Неожиданно для себя друзья почувствовали, что узкий проход тоннеля расширился, и они больше не касались стен.

Включили большой фонарь. Путешественники стояли в широкой штольне, посредине которой были видны рельсы железной дороги, внутри колеи был проложен ещё один рельс. На этой узкоколейки стояла ржавая вагонетка, между рельсами бежала вода. Кругом валялись какие-то железяки, гнутые лопаты и ломы.

В глубине штольни, проблескивая отсветами фонаря в маленьком оконце тамбура, стояло нечто, похожее на старый пассажирский вагон.

Фонарь два раза предательски мигнул и потух, отвечая на отчаянное встряхивание, слабым малиновым светом едва горевшей лампочки.

– Всё! Света нет, «кина» не будет! – мрачно пошутил невидимый в темноте Михаил.

Помолчали, осмысливая произошедшее.

– Пока свечки горят, двинемся назад? – предложил Александр, – я теперь стал, как кошка, в темноте кое-что вижу. Вот и сейчас вижу струящуюся по полу воду. Нет, не саму воду, а отблески на ней.

– Ну, ну! Сова полуночная, больше ничего не видишь? Сказанул, отблески, от чего отблески, в крошечной тьме?

– Слушай, ручей-то куда-то бежит? Наверное, под уклон в основную речку. Зажигай свечку, пойдём, посмотрим! Может и правда блестит?

Пошли вдоль струящейся воды. Ручеёк, пробежав несколько метров, исчез под завалом. Огонёк свечи мотался из стороны в сторону, грозя погаснуть. От бесформенной кучи камней перегородившей дорогу ручейку, явственно тянуло свежим ветерком.

Спотыкаясь и падая, друзья полезли по камням, ориентируясь по колеблющемуся огоньку свечи. На самом верху, почти под сводами штольни, через груды мелких камней даже ладонью чувствовался ветер. В полной тишине слышался лёгкий свист воздуха, проникающего в подземелье и устремляющегося по узким тоннелям вверх, к камням, исписанным рисунками, у подножья мрачной скалы.

– Тяга, как в каминном дымоходе, – отметил Михаил

При свете свечи, по очереди, друзья начали малой сапёрной лопаткой лихорадочно копать каменистый грунт. Наконец, устав, вспомнили о брошенных кем-то лопатах и ломах. Дело пошло быстрее. Но когда мелкие камни сбросили вниз, за ними оказались могучие валуны, которые даже с помощью лома, было невозможно сдвинуть даже на сантиметр.

Свечка догорала вместе с последней надеждой выбраться на волю. Но с упорством обречённых, они всё копали и копали! Даже когда большая и малая стрелки часов сошлись на двенадцати, а на поверхности наступила тёплая летняя ночь, они продолжали копать. И заснули на камнях, потушив драгоценную свечу, лишь тогда, когда совершенно выбились из сил.

Проснулись, одновременно, будто кто-то толкнул в бок. Светящиеся стрелки на командирских часах показывали четыре утра. Какое-то время, друзья лежали, молча, вспоминая вчерашние события.

– Слышишь? – тихо прошептал Александр, – кто-то возле вагона ходит.

Прислушались.

– Никто там не ходит, это у тебя галлюцинации, или продолжение сна, – ответил Михаил, – но надо быть настороже.

– Как тут быть настороже? Тьма, хоть глаз коли. Может, он стоит тут рядышком и слушает наши разговоры.

– Пускай слушает. Нам главное, на волю выбраться.

Питьевая вода была выпита накануне. Погрызли хлеб с остатками колбасы, запивая водой из подземного ручья. Отходить по одному от завала не решались, боясь заблудиться. Оставшуюся свечу зря не зажигали, берегли для продолжения работы.

Натруженные руки и спины нестерпимо болели, кровоточили мозоли на руках, а они всё копали и копали!

Наконец, подкопанный снизу громадный валун слегка пошатнулся. Маленькая удача прибавила сил, в ход пошли ломы. Образовалась узкая щелка, из которой струился свет, и в которую уже можно было просунуть ладонь.

Пленники потеряли счёт времени. Командирские часы пришлось выкинуть, их разбил, больно ударив Мишкину руку, скатившийся сверху камень. Когда солнце уже клонилось к закату, измученные, обессиленные и грязные пленники, наконец, выбрались наружу.

Долго лежали на траве, раскинув руки, глядя в темнеющий небосвод, не веря в своё спасение!

Борясь с усталостью, спустились на галечный берег близкой реки, слегка помылись и уснули, найдя на краю покоса свежескошенный стог пахучего сена.

Побег

От утренней сырости и прохлады проснулись рано. Первые лучи солнца с трудом пробивали густой, розовый туман. Рядом, невидимая за туманом, журчала река, за рекой нескончаемой дробью стучал дятел, рано проснувшаяся кукушка, не торопясь отсчитывала чьи-то дни.

Михаил, с трудом оторвал голову от вещевого мешка, выполняющего роль подушки. В ушах звенело, резкая боль периодически пронзала мозг, заставляя морщиться.

– Простыл, наверное, в подземелье. Болит так же, как вчера в бывшей церкви. Пошарив рукой по сену, нашёл плечо друга и осторожно потряс:

– Саша, Саш, как у тебя дела? У меня голова раскалывается, будто мы с тобой всю ночь пропьянствовали.

– У меня тоже побаливает, я давно не сплю, слушаю. За туманом слышал голоса, техника какая-то постоянно шумит, рабочий день начался.

– Надо пойти искупаться, может голова пройдёт. Я думаю домой поедем, вчера так устали, какая уж тут рыбалка?

– Этим берегом до парома далеко, может здесь, переберёмся вплавь?

– Надо к штольне вернуться, наш лаз замаскировать, может ещё пригодится. Станция недалеко по тому берегу, я слышал, как поезд проходил. Переплывём и на вокзал, утренняя электричка, наверное, уже прошла. Посмотрим расписание, на чём ещё можно уехать?

– Ты хочешь ещё раз сюда вернуться? Посмотреть, что там за вагон стоит?

– Недельку отдохнём и приедем, сверху, от скалы надо лаз закрыть и записку о нашем спуске забрать. Найдёт кто-нибудь, всполошит людей.

Обходя влажные от росы кустики, спустились к воде.

– Туман какой-то странный, розовый, будто снизу лампой красной подсвеченный. Наверное, это росинки на солнце переливаются! – обратил внимание Михаил.

В этом месте был широкий плёс с быстрым течением ближе к их берегу.

– Пока переплываешь, унесёт дальше станции, – засомневался Александр.

– Давай берегом спустимся вниз по течению, найдём тихое место, помоемся, искупаемся, одежду в мешок, мешок на голову и поплыли. Не забыл, как в детстве переправлялись?

Солнце между тем поднялось достаточно высоко. Налетевший ветерок погнал туман вдоль русла реки. Впереди через его клубящиеся космы, ниже по течению, стало вырисовываться какое-то сооружение.

Подойдя ближе, друзья увидели, что был деревянный мост через реку. По обоим берега, выступая к центру реки, высились дамбы из огромных валунов, глыб и гальки. Между ними на двух остроносых деревянных быках, набитых камнями, стояли два пролёта моста.

– Давненько мы тут не были, видишь, и мост построили, – удивился Михаил

– Позавчера, проезжая на электричке я его не видел, вероятно, с другой стороны сидели? И плыть не надо, перейдём, как белые люди! – обрадовался Саша. – Только вид у нас, прямо скажем – никакой! Больше похожи на шаромыжников, того и гляди, милиция заберёт.

Они поднялись на дамбу. Из тёмного чрева шахты, в облаках пара, древний паровоз с высокой трубой, вытаскивал три двухосных вагона с углём. Тяжко вздыхая, обдав мужчин теплом, он покатила по мосту на другой берег.

Друзья остолбенели, недоуменно переглядываясь, не понимая в чём дело!

Из штольни, где они ещё вчера, ни на что не надеясь, в темноте копали грунт, пытаясь выбраться на свет, сегодня паровоз выкатывает вагоны.

– Может это не тот выход? – нерешительно предположил Михаил, – подойдём ближе, посмотрим.

– Пошли отсюда, мы и так привлекаем внимание, видишь, мужик с винтовкой у входа внимательно смотрит на нас?

Друзья повернулись и быстрым шагом поспешили вслед за удаляющимися вагонами. Перейдя мост, отойдя достаточно далеко, свернули, бегом спустились с насыпи и притаились за кустами.

– Ты что-нибудь понимаешь? – запыхавшись, спросил Александр.

– У меня голова болеть перестала, зато кругом идёт! Я ничего не понимаю! Собственно, что нам прятаться? Мы что-то украли, или сломали в том подземелье? Нет. Так что нам бояться?

– Ты заметил, как охранник с винтовкой на нас смотрел, значит, мы показались ему подозрительными. Остановит и спросит – «ваши документы?» У тебя с собой документы? Вот! И у меня дома остались, кто же на рыбалку с документами ездит? Чтобы потерять? Нас арестуют бдительные граждане, отвезут в район и посадят в «каталажку», до выяснения!

– Мне всё это как-то не нравится. Помню, деда Бога рассказывал, что шахту закрыли в тридцатые годы, наверное, и мост сломали в это же время. Тогда зачем закатили в шахту и бросили пассажирский вагон? Что же получается? Мост снова построили и шахту открыли?

Послышался топот копыт, по настилу моста в сторону шахты проскакал военный, в белой гимнастёрке, в белом шлеме, с пистолетом на боку.

– А ты спрашиваешь, что мы украли? Ничего не украли, но подозрение осталось, – проводив конника взглядом, – сказал Саша. Это же милиционер в форме тридцатых годов, помнишь в фильме «Зелёный фургон»? Маскарад, да и только! Может, тоже фильм снимают?

– Надо с этой станции быстренько уехать. Только как? Если милиционер начнёт нас искать, обязательно будет ждать на станции. Вот сколько мы тут сидим, ни одного поезда не прошло. Ни пассажирского, ни товарного!

Будто отвечая на его вопрос, вдалеке послышался перестук колёс и за деревьями, по центральной железной дороге, два пылящих, чёрных паровоза протащили длинный товарный состав.

– Ты видел? Паровозы впереди поезда! И вагоны все маленькие по две оси! Куда мы попали? Надо отсюда сматываться! – удивился Михаил, – чертовщина какая-то!

– Пошли по этой стороне, вдоль реки к станции, может на какой-нибудь товарняк, заскочим. В любую сторону – хоть на восток, хоть на запад.

Не успев далеко отойти, вновь услышали топот копыт, и тот же наездник, подпрыгивая в седле, промчался в обратную сторону.

Поравнявшись с деревянным зданием вокзала, и станционными путями в две колеи, друзья затаились в пыльных кустах акации.

– Ты смотри, ни столбов, ни проводов электрической тяги нет! Вместо светофоров, семафор! Точно в древность попали! – с тоской в голосе прошептал Саша.

– Никогда бы не поверил – залезли под скалу в семидесятые годы, а вылезли с другой стороны – Бог знает где! Прямо конёк Горбунок из сказки – залез в ухо старым, а вылез, молодым! Расскажи кому, в психушку отправят! Надо что-то делать! Подойдёт любой состав, ты ищешь, куда сесть с хвоста, я с головы, – предложил Михаил. – Если пойдёт без остановки, и на маленькой скорости, садимся на любую тормозную площадку, на ходу.

– На ходу, – усмехнулся Александр, – не хватало ещё ноги в тридцатых годах под колёсами оставить!

С замиранием сердца друзья прислушивались к любому шуму, предвещающему о прибытии поезда.

Совершенно неожиданно, из нахлынувшего белого тумана, бесшумно и не правдоподобно, к перрону подкатил коротенький пассажирский состав, во главе с древним паровозом. Беззвучно и мягко поезд остановился у дощатого перрона.

Выскочив из своего укрытия друзья, перепрыгивая через рельсы, бросились к вагонам. Михаил обежал безжизненно тихий паровоз, запрыгнул на платформу и попытался открыть первую попавшуюся дверь. Она была закрыта. Он побежал к следующей, краем глаза заметив в хвосте состава Сашку, мчавшегося вдоль вагонов, безрезультатно дергавшего ручки дверей. Следом за ним, в расстегнутом кителе, расставив руки, бежал какой-то полный железнодорожник. Из здания вокзала, придерживая рукой шлем, на перрон выскочил милиционер. Дёрнув ручку очередной двери, Михаил почувствовал, что дверь открывается. В это же мгновение поезд медленно тронулся. Уже запрыгивая в тамбур, он повернулся и увидел, как железнодорожник сбил с ног Александра и всей своей тучной фигурой навалился на него.

Поезд

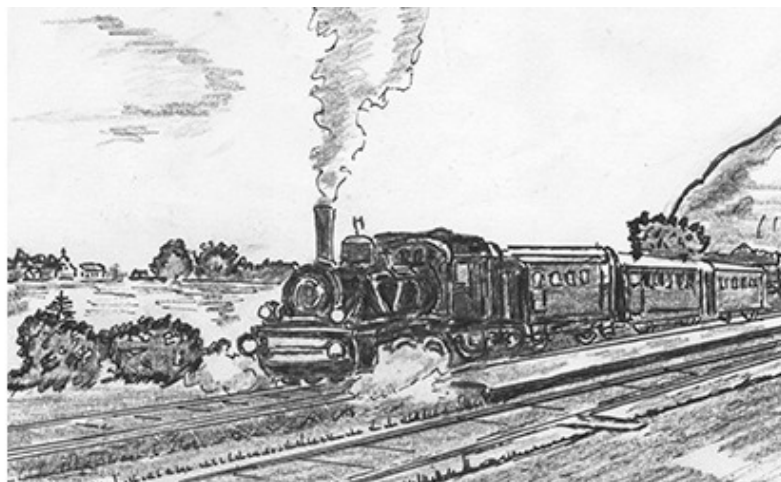
В тамбуре никого не было. Открыв дверь в вагон, он увидел длинный коридор, как в купейных вагонах, с мягким ковром на полу, несколькими дверьми из тёмно-коричневого дерева, массивными, бронзовыми бра на стенах, и тяжёлыми портьерами на окнах.

Не зная, что делать дальше, Михаил двинулся по коридору, размышляя об оставшемся друге и мысленно проклиная себя за то, что не спрыгнул ему на помощь.

В одну из дверей было вмонтировано большое зеркало. Из него на Михаила глянуло измученное, небритое лицо человека, с покрасневшими, усталыми глазами и нечесаными, грязными волосами. Вымазанная землёй, с футболка порванным воротом, и пыльный вещмешок за спиной, дополняли портрет.

– Сашка, наверное, выглядит не лучше? Конечно, оборванец без документов, говорящий, что он из семидесятых годов, стоит того, чтобы отправить его к психиатру. Ничего, приеду домой, встречу с участковым и всё объясню! Пускай позвонит! – нашёл выход Михаил. И сам же, подумав, отказался от такого варианта, – выслушает тебя участковый и тут же в психушку позвонит!

Поезд, набирая скорость, покидал станцию. Причём его движение больше походило на взлёт самолёта, только что оторвавшегося от взлётной полосы. Вагон как бы парил в воздухе, не слышен был надоедливый перестук колёс, не чувствовалось мотание состава на выходных стрелках. Внутри Мишиного тела присутствовало чувство, словно мощные двигатели лайнера поднимают его в воздух. Что совсем не вязалось с видом старого, маломощного паровозика, прицепленного впереди состава.

Он машинально посмотрел в окно, там, как и положено, мелькали столбы линий связи, кусты, за которыми блестела река, где они с Сашкой недавно собирались искупаться.

– Надо найти проводника вагона и объяснить ему своё внезапное появление.

Служебное купе было закрыто, переходить в соседний вагон Михаил не захотел, справедливо полагая, что «обилечение» пассажиров святая обязанность проводников. Тайно надеясь, что до своей станции, при такой скорости, он доедет незамеченным за тридцать минут, где благополучно и сойдёт.

Миша пошёл по коридору, дёргая ручки дверей. Дверей было всего несколько, что навело на мысль о больших купе. В конце коридора, одна дверь под его усилиями, плавно и бесшумно откатилась. Пустое купе было рассчитано на двух пассажиров, полки располагались одна над другой. Нижняя была аккуратно заправлена, верхняя закрыта к стене. Под

окном квадратный столик, с хрустальным графином прозрачной воды, на серебряном подносе и таким же стаканом, в старинном подстаканнике под серебро. На противоположной стене, в углу, напротив круглого зеркала, располагался небольшой столик с выдвигающимся ящиком и откидным сидением. Там же, ближе к входу, за маленькими приоткрытыми дверцами, угадывался пустой платяной шкаф. Между столиком и шкафом, в стене, красивая, с круглым зеркалом дверь из тёмного дерева, как бы в соседнее купе. Он постеснялся туда заглядывать.

Поезд мчался между сопок по знакомому маршруту. В детстве этим путём маленький Миша уезжал с родителями в отпуск, к многочисленной родне папы и мамы, в Караганду и на Урал. По этой же дороге семья возвращалась назад в родной посёлок. Позже, надолго уезжая из родного гнезда, он скучал по этим таёжным сопкам, непреступным скалам, чистым рекам и голубому небу. И в мыслях сотни раз представлял свое возвращение на родную станцию и маленький вокзал рядом с древней водокачкой.

Он устроился на откидном сидении, и слегка отодвинув тяжёлую штору, стал смотреть в окно.

– Интересный поезд, где такие красивые, богатые старинные вагоны отыскали. Убранство вагона впечатляет. Не иначе, как из железнодорожного музея – царский поезд. Вероятно, это очередной, широко разрекламированный проект – «Восточный экспресс», для богатых «забугорный» туристов. С древним паровозом во главе и мощным тепловозом следом за ним.

За окном появились окраина родного посёлка. Михаил вышел в тамбур, поезд слегка замедлил ход. Он хотел открыть дверь, но она на этот раз, не открывалась. Никаких защёлочек, или отверстий под ключ на ней не было.

Состав между тем миновал вокзал, водокачку, маленький мостик над ручьём, знакомую школу, вдали Миша увидел свой дом. Поезд, не снижая скорости, помчался дальше. Пришлось вернуться в купе.

– Значит, на следующей узловой станции остановится, там смена локомотивов, – успокоил себя Михаил.

В это время дверь бесшумно откатилась, на пороге стоял мужчина средних лет в белой рубашке, с расстегнутой пуговицей воротника и тёмных брюках. Лысоватый, в больших очках в роговой оправе и приветливой улыбкой на лице.

– Здравствуйте! – произнёс он по-немецки, протягивая руку, – Ганс Вигман.

– Михаил! – скромно ответил Миша, пожимая протянутую руку, предполагая, что наконец-то пришёл проводник. И неожиданно для себя, на чистейшем немецком языке, попытался объяснить проводнику возникшую ситуацию и узнать когда поезд сделает остановку, так как, он уже проехал мимо своей станции.

Причём он не задумывался, как построить фразу, она выскакивала из него без затруднения, словно он разговаривал на родном языке.

– Нет, нет! – предостерегающе поднял руку мужчина, и, показывая на дверь в центре купе, продолжил, – рекомендую принять душ, новая одежда будет ждать вас в купе! Старую выбросите, корзина – в углу душевой. Поговорим позже! Кстати, какой у вас размер обуви?

– Сорок первый, – запнувшись, ответил Миша.

– Прекрасно! – сказал мужчина и вышел

За дверью, оказался душ, с задёргивающимся пологом, блестящими ручками кранов, и белоснежным унитазом в углу.

Намыливая голову приятно пахнувшим мылом, Миша размышлял, о внезапно появившемся знании немецкого языка. От мамы он слышал, что его дедушкой по материнской линии был немец, по фамилии Геллер, инженер, в тридцатые годы работавший на строительстве химического комбината в Соликамске. В то время Германия переживала тяжелейший экономический кризис и в России трудились многие грамотные специалисты из этой страны. Бабушка тоже была инженером, только советским. Вскоре родилась дочь, семья планировала

после окончания строительства, переехать в Германию. Но когда Геллер, перед самой войной, решил вернуться на родину, НКВД отказал бабушке в выезде.

– Наверное, позавчера, после событий под скалой, что-то в голове перевернулось, – предположил Михаил, – проснулись спящие способности к языкам. А может, все произошедшие события взаимосвязаны и неизвестно, что будет дальше. Необычный поезд, вагон, вежливый проводник, вновь открывшаяся шахта. Эх! Как хотелось бы, чтобы Сашка был рядом!

В купе его ждало свежее нательное бельё, белая, как у проводника рубашка, чёрные брюки и мягкие, точно по его ноге, туфли.

В дверь постучались.

– Войдите!

В дверях стоял тот же проводник:

– Вероятно, вы голодны? Прошу перекусить.

Вслед за проводником Михаил прошёл по гармошке перехода в соседний вагон. Как он успел заметить, в коридоре, по которому они прошли, было четыре двери в купе. Оставшаяся часть вагона представляла собой большой салон, с мягкой мебелью, громадным столом в центре, столиком поменьше, возле одного из трёх имеющихся окон, накрытым на две персоны.

Вдоль другой стены, до самого потолка размещалась какая-то аппаратура, мигающая лампочками, напичканная приборами с покачивающимися стрелками и самописцем за стеклом, вычерчивающим зубцы на белой бумажной ленте. В промежутке между окон висела карта, закрытая шторой. Больше всего Мишу удивила лестница к потолку, с площадкой и сидением в остеклённой кабинке, расположенной над крышей вагона. Всё это он успел осмотреть быстрым взглядом, что не ускользнуло от внимания проводника.

– Прошу, – сказал он, приглашая Мишу к столу и присаживаясь напротив, давайте покушаем и поговорим.

Налил в небольшие коньячные бокалы напиток из стоящего рядом графинчика. На тарелке аппетитно лежала курица и жареный картофель. Отдельно – салат из зелени.

Голодный Михаил тихонечко сглотнул слюну.

Ганс поднял свой бокал на уровень глаз и сказал:

– За знакомство!

Выпили, молча, закусили. Миша старался кушать медленно, что ему удавалось с большим трудом. Хозяин налил ещё по одной, очередь была за Михаилом, не мудрствуя, он повторил:

– За знакомство!

– Перейдём к делам менее приятным, – помолчав, продолжил Вигман, – этот поезд вообще-то идёт без остановок, и то, что вы в него беспрепятственно вошли, это роковое стечение обстоятельств и моя ошибка. Скажу больше, из него невозможно выйти, даже если открыть дверь, или окно, – с этими словами он опустил окно, взял со стола ложку и выкинул её. Через секунду ложка влетела назад и со звоном покатила по полу. – Это касается всего, что бы ни находилось внутри поезда, включая людей, в том числе и меня, – Ганс помолчал, налил ещё по бокалам, – давайте выпьем за нас! И я скажу Вам самое главное!

Выпили, Михаил, оглушённый услышанным, безразлично тыкал вилкой в аппетитно поджаренный картофель.

– Для вас, – через силу выговаривая слова, продолжил Ганс, – эта поездка в один конец. Оттуда, куда мы едем, назад не возвращаются, а если и возвращаются, то совсем не теми. Больше ничего сказать я не могу!

– Я пленник? – уточнил Михаил.

– Называйте себя как угодно! Это не меняет дела! Кстати здесь, пока, по-моему, Россия? Где вы так хорошо научились немецкому?

– Мой дед немец, он жил в России, вероятно, знание перешло по наследству.

– Я вижу, вы не насытились, в вашем купе, под столиком есть маленький холодильник, можете перед сном покушать. Вместе с вами и со мной, в поезде три человека – есть ещё слуга, он совершенно глухой и не умеет говорить, с ним можно общаться только жестами. В чём нет необходимости, он прекрасно вышколен и знает свои обязанности. Вы выглядите уставшим, необходимо отдохнуть! До свидания! Да, чуть не забыл, не пытайтесь меня убить, это ничего не изменит! Воспрещение выхода из поезда могут снять только на конечной остановке, другие, специально подготовленные люди!

В своём купе Михаил разделся, и с наслаждением растянулся на чистой постели. Спать не хотелось, всё происходящее выглядело каким-то глупым розыгрышем, или страшным сном.

– Новоявленный, загадочный Капитан Немо, с прекрасными манерами и змеиными повадками. Зачем же тогда он запустил меня к себе – «это моя ошибка»? Ни хрена себе ошибка, вся жизнь коту под хвост! Лучше бы меня милиционеры забрали, вместе с Сашкой! Дёрнул же чёрт нас лезть в эту пещеру! Отдыхал бы у родителей, без проблем и забот!

Михаил нашёл холодильник под столиком в купе, там оказалась бутылка Корна, нарезанная буженина, хлеб и какие-то овощи. Налив себе четверть хрустального стакана, выпил. Сна не было, долго смотрел в окно на проплывающие сопки, скалы и зелёные распадки.

В голове было пусто. Лёг на свою полку, долго смотрел на лучики заходящего солнца, мелькающие на потолке, и незаметно уснул.

Многослойное время

Утром его разбудил телефонный звонок. Телефон, спрятавшийся за шторой, мелодично звенел.

– Слушаю! – спросонья хрипло ответил Михаил, вовремя погасив желание, по привычке назвать своё воинское звание и фамилию.

Голосом Ганса телефонная трубка ответила:

– Доброе утро! Через сорок минут приглашаю на завтрак!

Принимая бодрящий душ, Миша, вспомнил вчерашний разговор, неожиданное страшное сообщение о том, что вернуться домой ему больше не суждено.

– «Для Вас это поездка в один конец!» – вспомнил он слова Вигмана, – да кто вы такие, решать за меня, куда мне ехать? – с нарастающим раздражением подумал Михаил. – На нашей земле какая-то «немчура» будет мною командовать. Я этого хилого в черепашных очках, узлом завяжу, вместе с его глухонемым лакеем и вышвырну в окно!

Тут он вспомнил выброшенную и вернувшуюся ложку.

– Старый фокус с невидимой резинкой. В цирке видел, как клоун швырял в зал бутафорский кирпич и потом возвращал его назад. Сейчас проверим!

Миша опустил окно, в помещение ворвался прохладный, утренний воздух. Достал из мусорной корзины свой грязный, стоптанный ботинок и вышвырнул его в окно. Через секунду ботинок влетел назад и Михаил с трудом от него увернулся. Миша не был бы русским человеком, если бы не предпринял попытку вновь. Размахнувшись, он с силой выкинул ботинок и мгновенно поднял стекло. Через секунду ботинок ударился о стекло и замер на нём. Слегка опустив стекло, Миша попытался оторвать вещественное доказательство неудавшегося эксперимента. Но ботинок приклеился намертво!

Отправившись на завтрак, он твёрдо решил поставить все точки над «и», добившись внятных ответов от Вигмана.

Ганс, в прекрасном настроении, ждал его за сервированным столом. Рядом стоял смуглый мужчина, восточной внешности, одетый, как житель Индии, держа на подносе два коричневых горшочка для горячего. Мужчина откланялся Михаилу, поставил горшочки на стол и после кивка Ганса, бесшумно удалился.

– Доброе утро! – приветствовал немец нового пассажира.

– Доброе! – хмуро ответил Миша, – откуда родом такой интересный персонаж? – спросил он, кивнув в сторону слуги.

– Вероятно индус, но судя по всему, выросший в Европе.

За завтраком Михаил напрямую спросил Вигмана:

– Я гражданин Советского Союза, мы находимся на территории моей страны. По какому праву вы насильно удерживаете меня здесь?

– Вас кто-то удерживает силой? – с деланным удивлением спросил Ганс, – вы связаны и прикованы цепью? Нет? Тогда в чём дело? Пожалуйста, я не буду вам препятствовать, – покиньте этот поезд! – подождав, пока индус заберёт посуду, расставит второе и уйдёт, продолжил. – К сожалению, я в таком же положении, что и вы! С одной лишь разницей, я знаю, куда мы едем, и что меня там ждёт!

– Так поделитесь этой информацией. Я не могу жить в неведении, – чувствуя, что «закипает», с трудом сдерживая себя, спросил Михаил. – В отличие от этого безразличного, молчаливого индуса, я могу слушать и говорить!

– А вам точно это надо знать? – внимательно посмотрев на собеседника, ответил немец. – Неужели вы до сих пор не поняли, куда вы попали? И не осознаёте того, что от знания интересующей вас информации, в будущем может зависеть ваше здоровье и сама жизнь? Как говорится

в русской пословице – «меньше знаешь – лучше спишь». Давайте лучше начнём со знакомства. Я хотел бы познакомиться ближе и узнать о вас поподробнее, а потом я расскажу о себе.

Михаил, не останавливаясь на датах, сказал, сколько ему лет, что он инженер по эксплуатации автомобильного транспорта, работает в Горьком, холост, в этих краях находится в отпуске, на станцию приехали с другом, порыбачить в местной реке. Друг не успел сесть в этот проклятый поезд, на своё счастье.

– А что за люди, от которых вы прятались в кустах, и которые потом гнались за вами по перрону, сбили вашего друга с ног и, судя по всему, задержали? В чём причина? Это были представители власти?

– Мы впервые приехали в эти места накануне утром, переплыли на пароме реку и рыбачили за горой, что возвышается рядом с посёлком, – соврал Миша. – По незнанию забрели в запретную зону, которой, как оказалась, была окружена гора. Нас пытались задержать, но так как свои документы, по глупости, мы оставили дома, и нас могли задержать надолго, мы решили просто скрыться. Что из этого вышло, вы видели.

– Да я наблюдал за всем этим из своего «гнезда» – так я называю, самолётный колпак на крыше. Моя аппаратура дала внезапный сбой и для того, чтобы уточнить некоторые детали, автоматика нас остановила. Я же принял это за сбой в системе создания охранного магнитного поля вагона, разблокировал дверь тамбура, намереваясь что-то выбросить и проверить возвращение. В это время вы запрыгнули в вагон, и мы поехали.

Индус принёс чай и Вигман замолчал. Напиток был прекрасен, он напомнил Михаилу чай, заваренный мамой, большой чаёвницей и знатоком его сортов. Когда индус ушёл, разговор продолжился:

– Кстати, по поводу того, на чьей территории мы находимся? К нашему поезду можно применить понятие экстерриториальности. Мы вне рамок известных законов, по одной единственной причине, – что нас, нет! Мы невидимы для многих. Возможно, именно сейчас мы пронзаем прошлый век, или век будущий. Представьте себе огромный, многослойный туман – слой чистого воздуха, слой тумана и так много, много раз. Грубо говоря – видимый слой, это цивилизация, чистый воздух – временной промежуток. Честно говоря, я сам не очень понимаю, как это устроено, у меня другая специализация.

Но в какой-то момент, слои искривляются, наползают один на другой, образуют воронки, проходы. Такие места называются аномальными зонами, именно здесь могут находиться порталы – ворота в другое время, эпохи, другие цивилизации. Причём как вперёд, так и назад. Самое главное, найти, где этот вход и где из него выход.

Вот мы едем по землям, множество раз принадлежащими то одним, то другим. На планете Земля было много цивилизаций, не мы первые на ней, и не мы последние. Наш поезд идёт по существующим железным дорогам, мостам, тоннелям, станциям, а также маршрутам старых железных дорог, которые когда-то существовали, где в наше время уже нет ни шпал, ни рельсов, или напротив, мы мчимся там, где дороги, сооружения и города только ещё построят люди следующих поколений. Нашему паровозу не нужно ни угля, ни воды, ни машиниста, хотя для солидности он выпускает дым из трубы, мы едем, используя знания, энергию и опыт прошлых и будущих поколений. Вагон оборудован так, чтобы люди, едущие в нём, на всем протяжении маршрута были обеспечены всем необходимым. Это – только первые, пробные рейсы. На сегодня, наверное, и всё, что я могу без опасения вам рассказать. Извините, у меня много работы. Кстати, в этой вашей запретной горе, существуют какие-либо шахты и прочие пустоты?

– По-моему там есть угольная шахта, построенная ещё до революции, – снова соврал Михаил.

– Встретимся за завтраком, сегодня обед и ужин вам принесут в купе. До свидания!

Ломбардский тоннель

В эту ночь Михаил почти не спал. До самого рассвета по стенкам вагона царапали какие-то ветки, что-то скрежетало под полом, это походило на то, что поезд продирается по узенькой дорожке через густой дремучий лес. Скорость движения значительно упала, лёгкость в теле, напоминающая полёт, исчезла, вагон качался из стороны в сторону.

Он смотрел в тёмное окно, не видя за ним ровным счётом ничего, прислушивался к ударам веток по стенам вагона, в тайне надеясь, что они смогут каким-то образом нарушить невидимое магнитное поле, и у него появится надежда выбраться наружу.

Несколько раз его подмывало опустить стекло и попытаться, что-нибудь выбросить из вагона. Но выбрасывать было нечего, его грязную одежду уже унёс вышколенный индус, других посторонних вещей в купе не было. Миша вспомнил о холодильнике, достал кусочек хлеба и, когда ветки вновь застучали по стеклу, опустил стекло и выбросил в темноту хлеб. Хлеб не вернулся.

– Сломался, сломался ваш хваленый магнит! Выберу момент, когда веток не будет, и вывалюсь в окно! Будь что будет!

Он только собрался поднять стекло, как хлеб, промелькнув перед самым носом, и плюхнулся на постель.

– Не вышел фокус! И то ладно, не дай бог прилип бы к стеклу, как ботинок, тогда трудолюбивый индус, делая очередную уборку, обязательно увидел бы его и «доложил по команде».

К столу он вышел хмурый и не выспавшийся. Ганс наоборот выглядел бодрым и прибывал в прекрасном расположении духа.

– Доброе утро! Как спали? Вы по-прежнему не теряете надежды успешно выбраться из этой железнодорожной тюрьмы? Мне докладывали о прилипшем ботинке. Даю слово, если вам это удастся, я последую вашему примеру, но не сейчас! – о чем-то задумавшись, он продолжил. – Гораздо более информированный, чем вы, зная, какая неминуемая участь вас ждёт впереди, я могу безбоязненно разговаривать с вами на любые, даже самые закрытые темы, не опасаясь их разглашения.

– Я буду убит? – как о ком-то другом, безразлично спросил Михаил.

– Вероятно, нет, но погибнуть, для вас было бы лучшим исходом в создавшемся положении. Впрочем, не будем загадывать! Вам, Михаил, не повезло, – вы оказались не в то время и не в том месте. Мне приятно беседовать с вами, вы прекрасный слушатель, но слишком неразговорчивый собеседник!

Вигман впервые назвал его по имени. Миша предположил, что до его прихода, Ганс уже приложился к графинчику. Скосив взгляд, он определил, что сосуд на половину пуст, хотя они выпили только по одной рюмке.

– Понесло немца на разговоры, – подумал Михаил, – буду поддакивать и слушать.

– Я молчу, почти месяц – разговаривать не с кем, связь с Берлином пропала давно, слишком далеко уехали. На чём мы вчера остановились?

– На моей биографии, – ответил Михаил, – и вы обещали рассказать о себе.

– Обещанное нужно выполнять, – посерьёзнев, ответил Вигман, – даже если что-то из прошлого не нравится и самому. Я готов вам исповедоваться, как говорят, облегчить душу, не опасаясь, что вы нарушите тайну исповеди. Если всё же вам посчастливится с кем-то поделиться услышанным, – вас примут за сумасшедшего!

– Неужели в молодости вы были таким хулиганом и повесой, – попытался пошутить Михаил.

– Что вы, учась в университете, я был скромн и дисциплинирован. На выпускном курсе женился на девушке однокурснице, у нас родились дочь и сын... – Внезапно, что-то вспом-

нив, изменившись в лице, немец замолчал. Переборов себя, голосом и дикцией преподавателя на университетской кафедре, Ганс продолжил, – скажите, приходилось ли вам, что-либо слышать о поезде, пропавшем в Ломбардском тоннеле?

– Нет! – в очередной раз соврал Михаил, хотя когда-то, что-то слышал о тоннеле, где пропал поезд с «несчастливыми богатенькими итальяшками», хотя и не запомнил название тоннеля.

– История произошла в июле 1911 года, – начал рассказ Вигман, – компания, специализирующаяся на экскурсиях, с интригующим названием «Санетти», совместно с Римской железной дорогой проводила рекламную акцию – демонстрировала новый прогулочный маршрут через недавно открывшийся километровый Ломбардский тоннель. Пригласительные билеты на первую поездку, за умеренную плату распространялись среди известных политиков, общественных деятелей и вездесущих журналистов. Под восторженные крики и бравурные звуки оркестра поезд отправился в свою первую и последнюю поездку с Римского вокзала. По рассказам очевидцев: – паровоз медленно тянул состав к чёрной дыре, в которой клубился странный белёсый туман. Из глубины доносился неясный нарастающий гул.

Локомотив погрузился в молочную мглу и словно растворился в ней. Женский панический крик, похожий на предсмертный животный стон, донёсся из жерла тоннеля, и всё стихло. Позже спасательная бригада и полицейские чины, с максимальными мерами предосторожности, обследовали злополучный тоннель, но никаких следов крушения не обнаружили. Новенький локомотив, три вагона, поездная бригада и более сотни пассажиров исчезли бесследно, – твёрдым голосом произнёс Ганс, и, уловив какое-то недоверие в ухмылке Михаила, продолжил. – Надо сказать, что это не единственный случай со «странными поездами». Шестнадцатый президент Соединённых штатов Авраам Линкольн, как известно, увлекался спиритизмом. В покоях Белого дома ему снились пророческие сны. Незадолго до выборов 1860 года он несколько раз видел в зеркалах свое раздвоенное отражение. Одно из лиц покрывала смертельная бледность. При попытке взглянуть в него, оно тут же исчезало. Мэри Тодд, жена президента, истолковала это, как знак того, что он будет избран на второй срок, но до его окончания не доживет. За десять дней до покушения Линкольн увидел пророческий сон и записал его в дневник: – услышав во сне сдавленные рыдания множества людей, он встал с постели, спустился по лестнице, прошёл анфиладу комнат. И на всём пути ему не встретилась ни одна живая душа. Лишь отовсюду слышались печальные звуки. Линкольн дошёл до Восточных апартаментов, где стоял катафалк в окружении почётного караула.

– «Кто умер в Белом доме?» – спросил он одного из солдат. – «Президент», – ответил тот.

Как он погиб в точности неизвестно. Траурный поезд доставил тело Линкольна домой в Спрингфилд, в штате Иллинойс, чтобы предать его земле. Говорят, что с тех пор ежегодно в апреле, в день убийства президента, призрак траурного поезда движется по рельсам из Вашингтона в Иллинойс, однако никогда он не доходит до пункта назначения. Итальянский поезд тоже безуспешно ищут до сих пор. Никто не знает, что случилось с самим поездом в тоннеле, но с тех пор, в разные годы он стал появляться на всех континентах планеты. При этом все свидетели появления этого поезда-призрака одинаково описывали его: – это паровоз без машиниста, три вагона и закрытые окна. И появляется он всегда одинаково – из белого туманного облака, исчезая так же внезапно, как и появился. Никто не знает, где поезд появится в следующий раз.

– Интересная сказка, – с трудом дождавшись конца тирады немца, улыбнулся Михаил. Заметив его иронию, Ганс продолжил:

– Если бы я не знал истины, то подобный рассказ тоже мог бы принять за бред. Но есть ещё одна интересная теория, теория «кротовых нор», – это недостаточно изученный феномен перемещения объектов и людей в будущее, или в прошлое. Такой своеобразный временной провал – воронка, благодаря которому, возможно путешествие во времени. Если знать суть процессов, протекающих внутри таких аномалий, возможно их использование как в мирных, так и в военных целях. Есть случаи, когда время просто исчезало, и люди, думая, что прошло час, отсутствовали годами, десятилетиями или наоборот, прожив долгие годы в другом времени, возвращались в своё изначальное время, где отсутствовали всего лишь часы или дни.

– Получается, где человек провалился в эту кротовую нору, только там он и может из неё выбраться? – стараясь не выдать волнения и заинтересованности, как бы безразлично, спросил Михаил.

– В основном именно так и происходит, – ответил Ганс, – но я уверен, что со временем мы научимся появляться там, где нам необходимо! Даже само перемещение, и существование нашего поезда, – наглядная демонстрация того, что германские учёные дальше других продвинулись в реализации этих теорий. Мы научились перемещаться, во времени и пространстве, но к сожалению, сегодня только со скоростью нашего состав. Но это прорыв, громадный прорыв к новым технологиям и возможностям! Воронки возникают в аномальных зонах, чаще всего, это – горные хребты, малоизученные районы, таёжные леса, особые геологические и природные объекты, разломы земной коры, где из недр земли выходят могучие потоки неизвестной нам доселе энергии. Также они возникают в глубоких карстовых пещерах, различных сооружениях, созданных человеком в глубине скальных пород. И, как правило, имеют ярко выраженный временной фактор, то есть, периодически возникают в одном и том же месте, в одно и тоже время, и только в этом месте может осуществляться вход и выход из временного портала. Вот этими вопросами, дорогой друг, я и занимаюсь! – закончил Ганс Вигман. – Надеюсь, теперь вы понимаете степень секретности данных работ, и то, носителем какой информации вы теперь являетесь? Как и то, что обратной дороги после этого, для вас нет!

Михаил мотнул головой в знак согласия, про себя подумав, что многое из сказанного он уже знает из открытой печати, и даже из журналов «Юный техник» и «Вокруг света».

Ганс махнул рукой, и мгновенно, возникший буквально ниоткуда, услужливый индус, принёс кофе и забрал пустой графин.

– После исчезновения итальянского поезда, эксплуатация Ломбардского тоннеля была приостановлена, поезда пошли в обход. В начале тридцатых годов, по договорённости с Муссолини, тоннель с прилегающей территорией передали Германии для проведения специальных работ. Там был организован отдел по изучению этого загадочного явления, который так и называется «Исчезнувший поезд». Путём длительных наблюдений и опытов удалось установить в тоннели наличие портала, открывающегося раз в три месяца, в одни и те же дни, в строго определённое время, ровно на тридцать три минуты. Дважды за период наблюдения, исчез-

нувший итальянский поезд появлялся из тоннеля точно на девять минут. Визуально людей в вагонах и на локомотиве не наблюдалось. Попыток задержать состав не предпринимали. За это время поезд, по сообщению газет, наблюдали в Сибири, на Аляске, в Мексике и Аргентине, но в течение текущего года, он не появлялся ни разу. Одна из задач нашей экспедиции, используя сложнейшее оборудование, установленное в вагонах, определить особо аномальные зоны по пути следования и найти место возможного нахождения итальянского поезда. Как учёному, мне приятно делиться знаниями с другими людьми, многие годы я работал на преподавательском поприще. Благодарю за проявленный интерес! Если ничто не помешает, встретимся за ужином!

Михаил отправился в своё, осточертевшее за эти дни, купе. Полежал, пытаюсь уснуть, но сон не шёл, долго смотрел в окно на проплывающие густые таёжные леса, зелёные берёзовые колки, широкие, ещё не тронутые осенью, распадки и тенистые расщелины между могучих скал. Он не знал, где поезд находится, куда движется и в какую сторону неизвестные немецкие «умельцы» его направят в дальнейшем. Более того, Миша не знал ни числа, ни месяца и даже года, в котором он сейчас жил.

– Пойду к Гансу, посмотрю, чем он занимается? – подумал он, – если не прогонит, может, что-то интересное узнаю. Много из того, что он мне сейчас рассказывает под большим секретом, мне, как и многим жителям моей страны, давно известно, но не стоит раньше времени рассказывать, откуда я, из какого года, и кто по специальности. За окном, вероятнее всего, тридцатые годы и события происходят до Второй мировой войны.

Вигман в салоне вагона, наклонившись над большим столом, что-то рассматривал через лупу, делая пометки в большой чёрной тетради. Увидев Михаила, он хотел было укрыть стол материалом, который в предыдущие посещения Миша принял за скатерть. Но потом передумал и пригласил взмахом руки.

Стол оказался большой картой Сибири, со схемой железных дорог. В одном месте на карте светила маленькая яркая точка.

– Вы хотели бы узнать, где мы сейчас находимся? – спросил Ганс.

– Да! Конечно, хотелось бы узнать!

– Смотрите, вам должны быть знакомы вот эти названия.

Михаилу было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что маленькая светящаяся точка медленно движется от Новосибирска на юго-восток и приближается к городу Новокузнецк. Но он сделал глупое лицо и попросил, чтобы Ганс объяснил ему, что и где?

– Вы наверное слышали, как ночью мы пробирались через тайгу. Вероятно, если кто-то из местных жителей увидел, как поезд, не подминая кусты, движется по просеке, он бы сошёл с ума.

– Да шум и удары веток по вагону до утра не давали спать.

– Я почти до рассвета наблюдал за работой приборов и оборудования. Да, мы двигались по маршруту, где на сегодня ещё нет дороги.

– Я инженер, и никак не пойму, как может железнодорожный состав двигаться там, где нет полотна дороги? И поезд этот, то появляется, то вновь растворяется в тумане?

– Для того чтобы это понять, необходимо определённое знания в различных науках. И я боюсь, что с вашим багажом, мне не объяснить вам сути, а вы не сможете её понять. Примите всё, как должное, как свершившийся факт! Как аксиому, не требующую доказательств!

Чувствуя, что его мысль так и не пробила броню недоверия и непонимания в голове Михаила, Ганс спокойным голосом, как маленькому ребёнку, попытался объяснить ещё раз:

– Поймите, в той временной нише, где сейчас мы с вами едем, полотно, рельсы, шпалы, мосты, тоннели, вокзалы и прочие железнодорожные атрибуты существуют, они там есть, их уже построили, или собираются это сделать. А возможно, наоборот, разобрали и забросили. Мой вам совет чаще смотрите в окно, возможно, увидите что-то интересное. Наш поезд из нашего – тысяча девятьсот тридцать восьмого года, возможно, мчится сейчас в семидесятых, или девяностых годах. Мы, находясь в нём, видим окружающий мир, а люди, живущие там, в том времени, нас не видят. И когда наш поезд переходит из одного времени в другое, как по железнодорожной стрелке, он, для тех людей, внезапно появляется из тумана, как призрак. И так же внезапно исчезает! Вы наконец-то поняли?

Чтобы не расстраивать Вигмана, Михаил закивал головой, делая вид, что всё понял. Обрадованный Ганс, похлопав его по плечу, добавил:

– Я могу лишь удивить вас сведениями о том, что конечный пункт нашего путешествия находится в Южной Америке.

Насладившись полученным впечатлением, похлопав по плечу ещё раз, продолжил:

– Мои приборы регистрируют малейшие аномальные зоны. И сам наш маршрут, проложен там, где эти зоны вероятно есть. Что такая аномальная зона? Если сказать попросту, – аномальной зоной традиционно считают определяемые локацией территории, где в силу геологических, физических, геофизических и экзотических обстоятельств, структурные нити пространства искривляются. На территории Советского Союза имеется множество аномальных зон. Кстати, в районе населённого пункта, где вас чуть не арестовали, как раз имеется такая зона. Причём с таким мощнейшими выбросами энергии, что установленная в вагоне аппаратура, не смогла полностью определить её параметры и остановила поезд. Он провалился в теку-

щее время, стал, виден, что и позволило вам в него сесть. Я вынужден вас ненадолго оставить. Потом отобедаем и продолжим наш разговор.

Вигман вышел в тамбур, и было слышно, как за ним захлопнулась дверь замыкающего вагона поезда.

– Пошёл проверять аппаратуру, – подумал Михаил. – Значит за окнами сегодня тысяча девятьсот тридцать восьмой год. Едем мы в Южную Америку – интересно посмотреть, на чём нас перевезут через Берингов пролив? Мы всё и всех визуально и через специальную аппаратуру видим, нас никто не видит. Двигаемся по уже существующим, старым, и построенным в будущем железным дорогам. Три года назад по летоисчислению Ганса, к власти в Германии пришёл Гитлер, он начал воссоздавать германскую армию. Судя по всему, Вигман сторонник фашизма, вероятно, не простая птица, коль занимается секретными разработками.

Михаил подошёл к столу с картой. Светящаяся отметка, оставляя за собой красную, виляющую нитку пройденного маршрута, ползла к крупной станции с немецкой надписью «Абакан».

– Знакомые места, – что-то вспомнив, усмехнулся Михаил, – насколько помнится, в шестидесятых годах туда можно было проехать с Транссиба только из Ачинска. – Взяв оставленную Гансом лупу, Михаил внимательно изучил топографические знаки и незнакомые обозначения, нанесённые на карту. Ошибочка вышла, – подумал он, – стол с картой и курсор-кладчиком должен был вызвать удивление у инженера тридцатых годов, за которого я себя выдаю. А инженер даже не удивился, так как подобные, но более компактные, навигационные приборы, он изучал ещё в военном училище. Это – оборудование ТНА «Янтарь – Трасса», позволяющее определять текущие координаты местоположения, а также наносить на топографическую карту пройденный маршрут. Комплекс оборудования устанавливался в то время на командирских машинах. Позже появились более современные разработки. – Вернётся Ганс, надо будет живо поинтересоваться устройством стола. И громко выразить восхищение передовой германской наукой. Вигман явно любит хвалебные возгласы и возвеличивание его самого и науки, которую он представляет. Неизвестно, что будет в конце маршрута? Глупо погибнуть от рук людей, которые умерли гораздо раньше, чем ты родился, – горько усмехнулся Миша.

– Необходимо наладить отношения с этим немцем, тем более, что он пока неплохо относится к своему вынужденному пленнику.

Из глубины вагона появился индус, поклонился в знак приветствия, поспешно закрыл стол-карту и стал накрывать обеденный стол.

– Чем-то он мне не нравится? – внезапно подумал Михаил, – вроде не немец, а как поспешно закрыл карту, заметив, что я её разглядываю. По тому, как он бесцеремонно это сделал, можно предположить, что и я не вызываю у него дружественных чувств!

Михаил сел за стол, лицом по ходу движения и стал смотреть в окно на мелькающие столбы, бегущие вверх и вниз провода, картофельные поля и синеющие вдалеке горы. Промелькнул железнодорожный переезд, машина, переезжающая его, явно не видя проходящего поезда, въехала, как показалось Мише, прямо в бок вагона, рядом с местом, где он сидел. Михаил даже отшатнулся, предчувствуя удар. Но его не последовало. Это развеселило его.

По дороге, рядом с железнодорожными путями, в сторону виднеющегося вдалеке города бойко бежали разномастные автомобили.

Поезд проследовал под виадуком, справа возникла стена громадного элеватора, слева замелькали улицы города, показавшиеся Мише явно знакомыми. Характерное здание вокзала с островерхой крышей и надписью «Абакан» проплыло за крышами пассажирского поезда стоящего на первом пути. Буквально рядом с вокзалом железнодорожный мост через реку Абакан, немного погодя, за окнами замелькали конструкции моста через Енисей.

– Вдруг наш поезд-призрак возьмёт, и именно на мосту, выпадет из своего времени, и столкнётся лоб в лоб со встречным! – с опаской подумал Михаил. Но всё обошлось!

Аненербе

За обедом, Ганс, после очередного бокала коньяка, как бы между прочим, спросил:

– Вы что-нибудь слышали о немецкой научно просветительской организации «Наследие германских предков»?

– Нет! – ответил Михаил, – к моему стыду, я почти не знаю историю и культуру родины моего деда.

– Я слышал, в ваших высших учебных заведениях кроме истории большевицкой партии, других общественных наук вообще нет?

– Нет, есть ещё политэкономия. Во всех ВУЗах обязательно изучают философию, в том числе наследие великих немецких философов – идеалиста Гегеля и материалиста Фейербаха. А также «Капитал» Маркса.

Ганс был слегка удивлён и, чтобы скрыть растерянность, пошутил:

– Кто же не помнит: – «призрак бродит по Европе – призрак коммунизма!» Но «Майн Кампф» – по-моему, перечеркнул весь этот бред, и по Европе сейчас шагает национал-социализм. А вы недурно подкованы в этих вопросах.

– Ничего не поделаешь, предмет «Марксистско-ленинская философия» был вынесен на выпускные государственные экзамены в моём ВУЗе.

– Мы немного отошли от темы, – продолжил Вигман, – в 1933 году в Мюнхене прошла выставка «Дойче аненербе», организованная профессором Германом Виртом, где демонстрировались уникальные экспонаты, собранные со всех континентов. Вскоре выставку посетил любитель мистики и оккультизма рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, питавший интерес к древним сказаниям. Он был потрясён увиденным. Верховное руководство Германии проявляет большой интерес к высшим знаниям, зашифрованным и существующим во всех религиях и мистическим верованиям народов мира. По инициативе Гиммлера, с благословения Фюрера, создан институт «Наследие предков», называемый для краткости «Аненербе», задачей которого является: – изучение всего, что было связано с историей, культурой, языком, традициями древних германцев. Уже через несколько лет после создания, Организация Аненербе насчитывала около полусотни институтов и входила в структуру СС. Все сотрудники «Наследия предков», начиная с руководителя – Вирта и кончая последним лаборантом, автоматически получили звания СС. Объединённый институт собрал под своё крыло лучшие умы Германии, более трёхсот человек, с блестящим образованием, прекрасной учёной карьерой и учёными степенями. Только здесь многие из них смогли воплотить в жизнь самые грандиозные планы и проекты. Головной институт и резиденция находятся в Баварии. Помимо традиционных знаний по культуре, истории, естественным наукам, учёные «Аненербе» ищут источники особых знаний, наглядным примером таких работ является наш поезд-призрак, – ещё в начале разговора Вигман встал и прохаживался по проходу возле столика, похожий в этот момент на профессора университета, читающего лекцию студентам.

Михаил сделал вид, что восхищён знаниями немца, и умением удерживать внимание аудитории. В качестве слушателей был только он, и поэтому поднявшись, он протянул Гансу руку и торжественно произнёс:

– Это было прекрасно! Громадный пласт знаний! Спасибо!

Немец смущённо кивнул в знак благодарности.

– Давайте продолжим наш обед, пока пища окончательно не остыла!

Надеюсь, в запале я не наболтал лишнего?

– Не знаю, для меня всё сказанное вами интересно и услышано впервые. Но, как мне стало известно, в конце нашего маршрута, эти знания, вероятно, умрут вместе со мной. Поэтому вам не о чем волноваться!

Ганс промолчал, разлил остатки из графинчика по бокалам. Молча, выпили. После кофе, немец, вытирая салфеткой губы, сказал:

– Я обещал рассказать вам о себе, ну что же – слушайте! Родился в Баварии в феврале 1880 году, доктор наук, геолог и горный инженер. Преподавал в реальной гимназии в Мюнхене. Вместе с Хансом Брантом занимался разработкой Дьявольской пещеры. Как специалист по пещерам, карстам и тоннелям участвовал в первой экспедиции штурмбанфюрера СС Эрнста Шефера в Тибет. В 1935 году вступил в НСДАП, в текущем году, в СС. Несколько лет назад, по приглашению Ханса Бранта, – руководителя исследовательского отдела карстов и пещер Аненербе, перешёл в его отдел. Последние два года являюсь старшим сотрудником филиала Аненербе в Италии, по разработке темы – Ломбардский тоннель – «Исчезнувший поезд» и, как видите, не без успехов. Женат, двое детей. Оберштурмбанфюрер СС.

Всё это было произнесено ровным без эмоции голосом диктора за кадром. Мише неожиданно вспомнился эпизод доведения послужного списка одного из персонажей фильма «Семнадцать мгновений весны», не хватало только финального дополнения – «характер нордический!»

В тридцать восьмом Абакан был тупиком, здесь заканчивалась железная дорога, – вспоминал Михаил, – в конце шестидесятых он служил в этом городе и был немножко знаком с историей магистрали. Проектные работы начались во время войны, в 1942 году, в ходе изыскательских работ погибли инженеры Кошурников, Журавлёв и техник Стафатов. Они замерзли, прокладывая маршрут будущей дороги. Их именами названы железнодорожные станции. Строить начали, – если память не изменяет, – в 1959 году. Стройка была объявлена «Комсомольской ударной», также использовались железнодорожные батальоны и заключённые, лагеря которых ещё долго существовали вдоль трассы.

Сейчас дорога бежала по широкой просеке, вдоль которой был аккуратно сложен, уже успевший почернеть, спиленный лес. Изредка мелькали небольшие посёлки, железнодорожные станции, окруженные колючей проволокой, с вышками по углам, зоны, где люди в чёрных одеждах грузили в вагоны толстенные брёвна.

Немец тоже смотрел в окно отсутствующим взглядом, думая о чем-то своём.

– Трассу Абакан – Тайшет сдали в эксплуатацию, вероятно, в 1965 году, во всяком случае, в 1969 году она во всю уже работала, – вспомнил Михаил. – В этом немецком поезде, сейчас 1938 год, конец лета. До нападения Германии на Польшу и начала мировой войны остался год. В марте 1938 года произошёл аншлюс – включение Австрии в состав Германии. В сентябре – 1938 года в разгар Судетского кризиса, Польша, в свойственной ей манере – участвовать в любом бесплатном дележе, вместе с Венгрией и одновременно с немецкими войсками, занимавшими Судетскую область, войдут в Чехословакию. По суди дела, «тихая война» с захватом территорий соседей, через месяц начнётся. Интересно, знает ли Вигман какой за окном сейчас год? И что он думает по поводу событий в Европе? Он старший офицер СС, его звание соответствует званию подполковника Вермахта. Он должен многое знать, или хотя бы догадываться.

Но Ганс молчал, разглядывая незнакомые пейзажи, чужой страны за окном вагона, вероятно уже считая эти земли неотъемлемой территорией Третьего рейха.

– Как вы считаете, какой тут год? – спросил Михаил.

– Не буду скрывать, в Германии все с нетерпением ждут больших перемен. В состав германской империи вернулась Австрия. Совсем скоро решится вопрос с Судетами, – это испокон веков немецкие земли. Любой немец знает, что наши взгляды всегда были устремлены на Восток, там лежит громадная территория, населённая полудикими славянскими племенами. Я далёк от мысли, что дорога, по которой мы сейчас едем, построена вашими соплеменниками самостоятельно. Вам всегда не хватало грамотных инженеров и в создании вашей экономики, не без собственного умысла, участвовали многие наши специалисты. Мы предполагаем, что рано или поздно эти земли и предприятия станут нашими. Я верю, что мечтам фюрера и чаяниям немецкого народа суждено сбыться. Мы едем по землям Третьего рейха, предположительно в восьмидесятых годах нашего столетия. Даже при умелом немецком руководстве, рачительности и порядке, построить дорогу раньше этого времени, просто технически невозможно, – впечатлённый своей речью, Ганс остановился, чтобы перевести дух, показывая в окно, – продолжил. – А вон и подтверждение моей гипотезы, видите территорию обнесённую колючкой, это, по-моему, лагерь для военнопленных русских солдат и лиц не желающих подчиняться новому порядку. Я не согласен с некоторыми нашими учёными – славян не надо убивать, они должны работать на наше благо, иначе нам никогда не освоить эти громадные земли, – сменив пафосный тон на обычную речь, закончил:

– Ночью мы будем переходить в другой временной канал, надо подготовиться. Поужинаете без меня в своём купе. Хайль Гитлер!

Повернулся и ушёл в хвостовой вагон.

Тут же, как будто из воздуха, возник индус и начал собирать посуду. Михаил отправился к себе.

Тайшет

Глядя на прекрасные пейзажи сибирской тайги, проплывающие за окном, Миша мысленно возвращался к последней эмоциональной речи оберштурмбанфюрер Ганса Вигмана. В советских кинофильмах именно так показывали фанатиков, одурманенных фашисткой пропагандой немцев, свято веривших в превосходство арийской нации, и её священному предназначению по переустройству мира. Он не верил, что нормальные, образованные люди, могут, как идиоты, выбрасывать вперёд руку и орать, выпучив остекленевшие глаза, – «Хайль!», считая это обычным режиссёрским приёмом, для показа приверженцев фюрера в неприглядном виде.

Он и представить себе не мог, что по странному стечению обстоятельств, ему придётся ехать, разговаривать и даже кушать за одним столом с настоящим эсэсовцем, фашистом. Слушать его сумасшедшие речи и деланно восхищаться его начитанностью и ораторским искусством.

Все предыдущие дни Вигман выглядел вполне вменяемым человеком, хотя и нёс какую-то околесицу про оккультные науки, опыты и верования в то, что существуют скрытые и неизвестные науке силы, явления в человеке и космосе, опыт которых доступен лишь людям с «особыми способностями». К коим он себя, несомненно, и относил. Но это можно было понять – человек, известный в своё время учёный, многие годы занимающийся этой темой, действительно свято верил в то, что создавал. И этот реально существующий поезд-призрак, дело, в том числе, и его рук.

Но сегодня его, как подменили, говорил подчёркнуто громко, эмоционально, как будто хотел быть услышанным ещё кем-то? Но кем? Как однажды обмолвился сам Ганс, пассажиров в поезде всего трое: – он, слуга индус и Михаил. Но индус глухонемой! Может, есть ещё кто-то, до поры до времени скрывающийся в вагоне с аппаратурой, или в одном из купе? Надо быть осторожным, что у этих фанатиков на уме? Никто не знает!

Перед сном Миша решил принять душ. Стоя под струёй тёплой воды, он впервые ощутил свою полную незащищённость:

– Зачем Вигману нужны лишние глаза в поезде? Зачем кормить меня до конца поездки? Чтобышний раз продемонстрировать людям, встретившим его в Южной Америке, свою глупость, в результате которой, в поезд проник посторонний человек? А если встречающие, захотят поговорить с этим случайным пассажиром, и он расскажет им, что-то лишнее, из того, что ему поведал Вигман? Известно, что «умельцы» с черепами на фуражках, способны «разговорить» любого! Сдерживать устранения случайного пассажира, может лишь одно, – труп некуда будет деть, в окно не выбросишь – прилетит назад, или прилипнет к окну. Убрать в вагон с аппаратурой? Пока доберутся до конечной станции – завоняет, – как о ком-то постороннем размышлял Михаил. Не думаю, что сам Ганс способен кого-то убить, но «тихушник» индус, вполне справится!

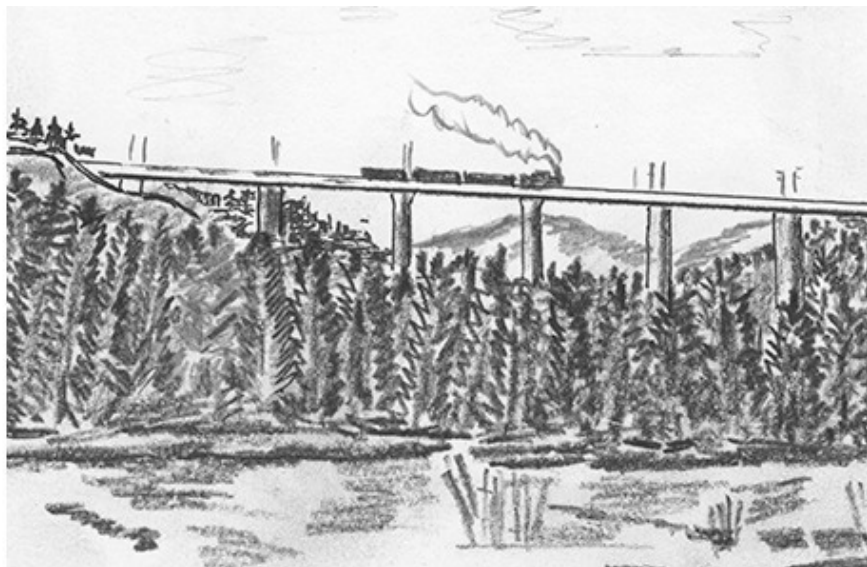
Вернувшись в купе, он обнаружил скромный ужин на столике под окном и чистое надельное бельё, уложенное ровной стопочкой. А также брюки и рубашка на вешалке, хотя он оставлял их на постели.

– Вошёл тихонько и вышел! Вот так зайдёт ночью и задушит индийским приёмом, тихо и бесшумно. Надо что-то придумать.

Без аппетита поужинал, вынес поднос с посудой в коридор, поставил под дверь корзину для грязного белья, и выключил свет. Не спалось. Отодвинув тяжёлую штору, стал смотреть в окно. Ночь давно вступила в свои права, и непроглядная темень хозяйничала за стеклом. Иногда ветер разгонял плотные облака, и из-за лохматых туч выглядывала бегущая вслед за поездом луна, освещая тайгу бледным мёртвым светом.

Чувствовалось, что поезд на большой скорости поднимается куда-то вверх, дважды плавно поворачиваясь, начинал двигаться как бы в обратном направлении. Пейзажи спящих под светом луны тайги и гор, трижды прерывали тёмные провалы тоннелей. Когда поезд проходил между вторым и третьим тоннелем, как по заказу выглянула Луна, и Михаил увидел далеко внизу деревья, кусты и полевую дорогу. Казалось, что состав парит, летит над землёй.

– Наверное, это знаменитый Козинский виадук, – догадался Миша, вспомнив свои прежние поездки.

Не снижая скорости, коротенький состав промчался мимо освещённого перрона и скромного вокзала на возвышенности, с надписью «Шетинкино». Как заметил Михаил, стоящие на перроне люди даже не повернулись в сторону поезда:

– Они его не слышат и не видят!

Потом было ещё несколько довольно длинных тоннелей. На каком-то разъезде встретился большой товарный состав, к которому два электровоза были прицеплены с головы, а ещё один в хвосте.

– Сзади толкач, – предположил Миша, – подъёмы большие и крутые. Когда-то такое он видел на Байкале.

Когда тёмное небо начало светлеть на востоке за зубчатой полосой сопок, состав, несколько сбавив скорость, миновал длинное здание вокзала со старинной башенкой и шпилем наверху. На башенке видна была надпись «Тайшет».

Устав, Михаил подвинул корзину ближе к двери, так, чтобы она закрывала проход, и лёг спать.

Почему-то не спалось. Вспомнился дом, родители, Сашка. Где, в каком времени он остался? Чем для него закончился неудавшийся побег? Родители, наверное, с ног сбились, мама все глаза выплакала, папе вообще волноваться нельзя. Хорошо, что перед отъездом, догадался сказать отцу, куда мы едем, – может, начнут искать и обнаружат нашу записку под скалой. Хотя, вряд ли кто-то догадается, что нас черти понесли к этой проклятой скале! Четвёртые сутки на исходе, как мы с Сашкой уехали из дома. Вигман сказал, что вероятнее всего, назад из этих временных воронок, можно вернуться, лишь пройдя путь исчезновения ещё раз, но в обратную сторону. Саня там остался, хотя и в тридцать восьмом году, но всё равно ближе к церкви староверов, откуда вся эта свистопляска и началась. А как я отсюда выберусь, никому неизвестно и выберусь ли, вообще? Интересно, вот приедем мы на конечную станцию, и как они собираются меня убить? Я в их мире ещё не существую, я ещё не родился! А для меня,

эти фашисты уже давно умерли, их косточки, вероятно, уже сгнили. Получается, что человека убили пули, прилетевшие из прошлого? Дурь какая-то! Но, до конца поездки, надо ещё дожить, что у этого умного немца и старательного индуса на уме одному Богу известно!

В коридоре слышались осторожные шаги. Кто-то подошёл к двери его купе и замер прислушиваясь. Михаил затих, стараясь не дышать, сердце стучало в груди так, что казалось вот – вот выскочит из грудной клетки. А его гулкие удары, вероятно, были слышны даже в коридоре.

Постояв, шаги удалились.

– Наверное, индус за грязной посудой приходил? – догадался Михаил, – нужно хотя бы, чем-то вооружиться! Но ни ножа, ни даже вилки в купе нет. Они на подносе, который забрал индус. Если после завтрака, я тихонько заберу нож из столовых приборов, слуга сразу хватится. Впрочем, таким ножом можно только масло на хлеб намазывать. В душевой есть бритва, но ей никого не зарежешь – она механическая, завёл – побрился. Михаил не стал ей пользоваться, решив отращивать бороду.

Засыпая, Мише вспомнилась продавщица магазина, рыжая, пышногрудая, любвеобильная Наташка, живущая когда-то в посёлке рядом с воинской частью. С которой они тайно встречались почти год, и отношения готовы были перерасти в семейные. Но внезапно, досрочно вернулся из мест не столь отдалённых, её муж, отец дочери. Отношения закончились, но воспоминания о её жарких объятиях на сеновале, ещё долго возвращались Михаилу во снах.

Севернее Байкала

На следующее утро проснулся поздно, когда солнце за окнами купе приближалось к полудню. Его никто не тревожил, телефон не звонил, услужливый индус не приглашал на завтрак. В вагоне было непривычно тихо. Лишь лёгкое покачивание вагона говорило о том, что поезд движется.

Вставать и встречаться с надоевшим Вигманом не хотелось.

Глядя на старинный плафон в потолке купе, Михаил не спеша рассуждал о вчерашних делах и событиях. Ганс неожиданно решил поделиться секретами об Аненербе, о её создателях, учёных умах, глубоких исследованиях, научных находках, планах, замыслах и, конечно, о своей причастности к этим, по его мнению, великим достижениям. Он очень тщеславный человек и этим надо воспользоваться!

Хотя особыми сведениями об этой фашистской организации Михаил не располагал, но вспомнил, что где-то читал о приверженности руководителей третьего рейха к различным мистическим практикам Востока. И особых взаимоотношениях нацистов и тибетских монахов, почему-то буддийские монахи испытывали расположения к фашизму? Может, их привлекала идея создания сверхгосударства? Немцы предприняли несколько экспедиций на Тибет в конце тридцатых годов, и как в послевоенное время писали советские газеты, – есть версия, что, в своё время, существовала радиосвязь между столицей Тибета Лхасой и Берлином. Больше всего Михаила удивили сведения о том, что в разгромленных помещениях рейхсканцелярии и бункере Гитлера были обнаружены трупы тибетцев, одетых в форму СС.

Как сейчас известно, всему миру, в «Аненербе» проводились бесчеловечные опыты над военнопленными, организация участвовала в ракетной программе, разработке атомного, бактериологического оружия, телепортации и создании летательных аппаратов на новых принципах

После войны большая часть гитлеровских учёных, оборудования и материалов исследований, попали в руки США. Советский Союз, как сообщает иностранная пресса, тоже стал обладателем неких секретов.

В ходе Нюрнбергского процесса деятельность «Аненербе» осудили, она была запрещена, многие руководители отделов приговорены к смертной казне.

Вероятно, что общедоступных сведений по «Аненербе» у Михаила было гораздо больше, чем совершенно секретных в тридцатые годы, которыми располагал Вигмана. Но он об этом естественно не знает, и вряд ли поверит. Сотрудники «Аненербе» были ознакомлены с работками только своего отдела. А чем занимаются в соседних лабораториях, могли только догадываться.

Надо вспомнить всё, что известно об этой организации, это может пригодиться. Напрягая память, ассоциируя с другими, хорошо известными сведениями, Михаил кое-что вспомнил и систематизировал.

– Должны подъезжать к Байкалу, а может уже, и проехали, пока я спал? – подумал Михаил.

Он сел, отодвинул штору и посмотрел в окно. До самого горизонта, сколько хватало глаз, бегущие облака, оставляя причудливые тени на зеленом море тайги, делали их похожими на морские волны.

– Красота, ширь и очарование! Нетронутая природа, территория с несметными богатствами и большим будущим! Но где же Байкал? Мы не могли его проехать?

Неожиданно громко зазвенел телефон.

– Вы проснулись? – узнал Михаил голос Ганса, – через час встречаемся за обедом. Жду!

– Рад видеть вас выспавшимся и бодрым! – встретил Вигман Михаила.

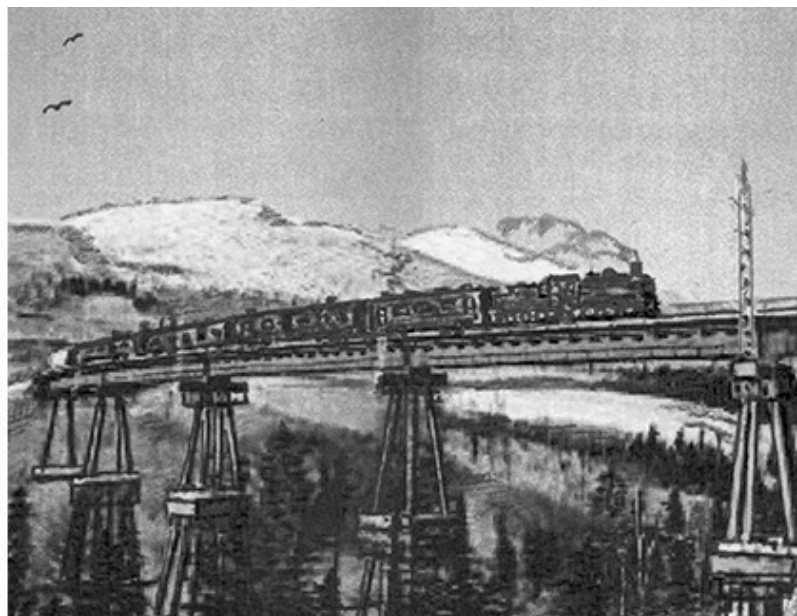
– По вашей рекомендации, смотрел в окно до самого Тайшета, но всё же успел выспаться, – пошутил Михаил. – Проснулся, думал, проспал Байкал, но, кажется, нет!

– Вы не могли его проспать, только потому, что мы едем другой дорогой. Подойдите сюда! – пригласил Вигман к большому столу.

Пятнышко курсопрокладчика медленно ползло на восток, оставляя за собой красную ниточку пройденного курса. Позади остался Тайшет, Братск, Усть-Кут, северная оконечность Байкала, Северобайкальск, Нижнеангарск, Северомуйск, точка медленно приближалась к названию Тында.

– Вы посмотрите! – голосом мореплавателя, первым обнаружившим неизвестные острова, воскликнул Вигман. – Это совершенно новая железная дорога, которая будет построена после нас гением немецкой нации на необъятных просторах Сибири. В сложнейших геологических, климатических и природных условиях. Через бурные реки, неприступные горные хребты, топкие болота! В районах, где большая часть года приходится на холодную осень, длинную жуткую зиму и затяжную неустойчивую весну. В условиях почти полного отсутствия дорог, линий электропередач и другой инфраструктуры. Только немецкий народ, руководимый гением фюрера, мог освоить эту титаническую работу!

Немного успокоившись, продолжил, – Я почти всю ночь провёл возле своих приборов, полученная информация может свести с ума! Как показал курсопрокладчик, дорога пересекла реку Ангару, в районе населённого пункта с названием Братск, которого нет на карте. Там находится крупное гидротехническое сооружение, вероятно, плотина. Потом было множество тоннелей, различных мостов через большие и малые реки

Имеющаяся у нас карта неполная и старая, порой я мог ориентироваться, стыдно сказать, только по географической карте из атласа, в основном, по крупным рекам. Я имел возможность много часов любоваться под бледным светом Луны суровыми сопками, в окружении прекрасной тайги, неприступными скалами, по берегам быстрых рек, – Вигман глубоко вдохнул, и с чувством продолжил, – уже в который раз, я восхищаюсь мудростью нашего фюрера, как мы видим, всё же решившегося на восточный поход. И вот прекрасный результат, значит, всё удалось, и третий рейх будет простирается от Атлантического до Тихого океана! Но самое большое впечатление на меня произвело следующее: – Вы можете себе представить тоннель, протяжённостью более пятнадцати километров! Хотя и чуть-чуть не законченный. Непости-

жимо! – Ганс даже задохнулся от прилива чувств, – моя аппаратура, производя замеры, едва не сошла с ума! Объём проделанной работы громаден! Я это говорю, как специалист по карстам, пещерам и тоннелям! Понятно, что при таком строительстве, обязательно использовался дешёвый труд «восточных рабочих», из стран, которые к этому времени, вошли в состав Великой империи. Кстати доктрина их переселения и применения также разрабатывалась в «Аненербе», – Ганс подобострастно оглянул вглубь салона и продолжил, – под патронажем рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Михаил, проследил за взглядом немца, – на стене перегородки висели портреты Гитлера и Гиммлера, которые раньше он не замечал. Под портретами стоял, как часовой, молчаливый индус, и внимательно смотрел на Вигмана.

Михаил подумал, вероятно, Ганс пьян, выпил лишнего во время ночного дежурства, и теперь слуга обеспокоен его нервным состоянием. Но стоило только Вигману замолчать, индус, с безразличным видом отвернулся к окну.

И вдруг Михаил понял, – индус, внимательно глядя на Ганса, читает по артикуляции губ, то, что тот произносит. Интересный ход! Впрочем, чему удивляться, отпускать человека одного в сложное и опасное путешествие, даже если он оберштурмбанфюрер, без пригляда, не в правилах такой серьёзной конторы, как «Аненербе»! Надо и мне быть осторожнее, – решил Миша, – лишнего при нём не говорить и быть внимательным!

Ганс жестом пригласил за стол. Обычно они сидели лицом друг к другу кушали и разговаривали, индус в это время, чаще всего, стоял у противоположного окна, или у сервировочного столика за спиной одного из говорящих.

Слуга принёс обед, расставил приборы, наполнил бокалы коньяком и отошёл к своему столику у буфета, откуда можно было видеть обоих сидящих, делая вид, что сосредоточенно протирает находящиеся там столовые приборы и посуду.

Неторопливо кушая, Ганс продолжал восхищаться увиденным:

– Нет, вы только посмотрите, что при желании можно сделать из этой дикой страны! Вероятно, что и столицу рейха перенесли куда-то в район Волги и заново построили в красивом месте, используя новые материалы и новейшие веяния немецкой архитектуры.

Михаил не слушая этот бред, смотрел в окно, подперев рукой щеку! На пологом зелёном откосе белыми камнями было выложено «Слава КПСС», а немножко дальше «Наша цель – коммунизм».

– Ганс, вы видите эти надписи? – кивнув в сторону окна, спросил он. – Вам перевести, что там написано?

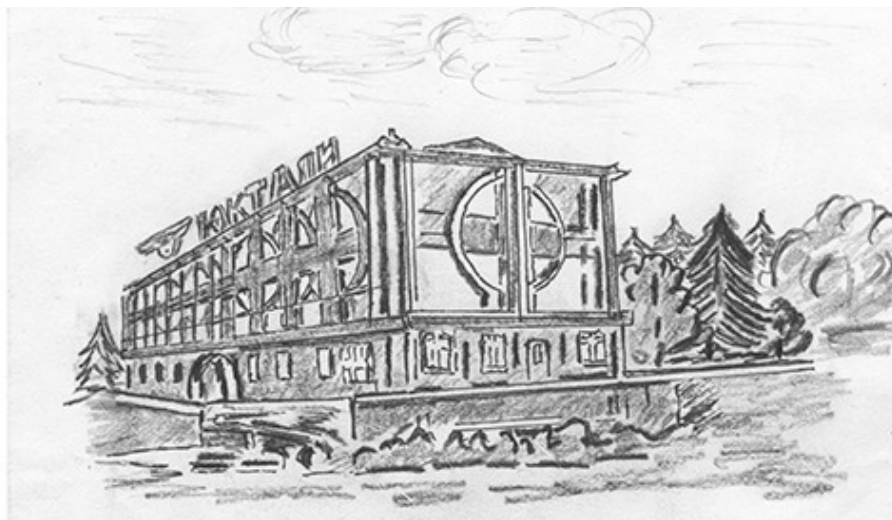
Немец, с интересом посмотрел в окно, на проплывающие русские буквы и кивнул. Подперев щеку рукой, так, чтобы индусу не были видны его губы, Михаил перевёл, и спросил немца безразличным тоном:

– Что бы это, по-вашему, значило? Вероятно, немецкий национал-социализм, всё же создал расово чистое государство, и приступил к строительству общества всеобщего процветания и благополучия, под названием – коммунизм?

Обескураженный Ганс, не зная, что ответить, сумасшедшими глазами боязливо заглядывал в окно. Поезд сбавил ход.

В проём окна медленно вплыло здание вокзала – первый этаж был обычной высоты, а второй высился громадными круглыми окнами, крест-накрест перечёркнутыми поперечной коричневой вставкой и вертикальными колоннами. В центре здания, в круглом диске, чем-то похожим на чеканку, размещались часы, над ними надпись «Юктали». Ниже ярко красными буквами на белом поле, лозунг – «Решения XXVII съезда КПСС в жизнь!»

– Интересный лозунг, – усмехнулся Михаил.

– Что вы хотите этим сказать? Что это значит?

– Это значит, что за окнами, вероятнее всего, 1986, или 1987 год. КПСС – расшифровывается, как Коммунистическая партия Советского Союза. Следовательно, мы, невидимые для всех, едем по территории Союза Советских Социалистических Республик, по дороге, основная стройка которой началась, если я не ошибаюсь, летом 1974 года. И была названа Байкало-Амурской магистралью, сокращённо БАМ. Для общей информации сообщаю, что здесь, никакого третьего рейха нет, и никогда не было! Как нет его сейчас и на остальной части земного шара, и надеюсь, никогда больше не будет!

Вигман с ужасом смотрел на Михаила, не в силах вымолвить ни слова. Индус, чувствуя, что что-то случилось, не понимая причины замешательства, растерянно глядел, на обоих.

– Это, Ганс, я сказал только для вас. Спасибо за вкусный обед! – вымолвил Миша, поднимаясь из-за стола, – как говорят, – «разрешите откланяться!».

В купе, лёжа на полке, Михаил пытался осмыслить, произошедшее, прикидывая, что может предпринять Вигман, что неплохо бы делать самому, и как лучше использовать замешательство Ганса?

– Что в настоящее время известно? Индус, скорее всего, сотрудник гестапо, или СД, – это очень серьёзно! С этими ребятами шутки плохи! Думаю Вигман не станет доводить до него наш разговор? Не в его интересах, чтобы тот знал, о чём мы говорили. Ведь именно Ганс впустил в поезд человека с чуждыми рейху мыслями и сведениями – впустил явного врага! Вероятно, Ганс тоже знает, или догадывается, кем на самом деле является индус? Теперь ясно, к кому были обращены его пламенные речи. А может в поезде есть кто-то четвёртый? Это совсем плохо! В этом случае вероятность выбраться из этой истории живым, – почти равна нулю!

Миша сел и посмотрел в окно:

– Зелёные сопки и бескрайнее голубое небо. Кажется, любовался бы и любовался! Сколько раз он, вот так, из вагонного окна любовался просторами своей страны, восторгался её громадной территорией, ничего не боясь и не опасаясь за свою жизнь.

А сейчас враг был рядом, ни где-то далеко, за пограничными реками и неприступными морями, а вот тут – за стенками купе!

Что же мы имеем в плюсе:

– За плюс надо взять то, что Вигман ошарашен услышанным, это выбило его из накатанной колеи отношения к будущему, понимания настоящего и трактовки истории. Он потерял опору, веру и надежду на то, что самое лучшее ждёт его где-то впереди. Возможно, в Южной Америке, зачем-то же он туда едет? Надо подумать, зачем?

Миша прислушался, в вагоне по-прежнему было тихо, даже слышалось тиканье часов в коридоре.

– Что можно ожидать от немца? Он может просто не поверить тому, что узнал. Как на его месте поступил бы и сам Михаил, если бы кто-то сказал ему, что в обозримом будущем СССР исчезнет с лица Земли. Для Ганса самое простое в этой ситуации – избавиться от человека с чуждой идеологией – носителя неприятной информации. В отличии от гостя, хозяева поезда явно вооружены, и убить чужака, для них не будет проблемой. Но, тогда, куда деть труп? С другой стороны, Вигман сам видел надписи. Не мог же Михаил их заранее выложить? К тому же Ганс учёный с мировым именем, образованный человек, изучающий, в том числе, и паранормальные явления. Как исследователю, ему захочется узнать больше, понять, как всё произошло, и есть ли смысл заниматься этим дальше, коль скоро всё станет известно и без его трудов.

От мрачных дум голова стала тяжёлой. Гулкими ударами в висках пульсировала кровь.

– Всё должно решиться сегодня. Или Вигман придёт поговорить один на один, или они придут вдвоём, а может и втроём? И это станет концом! Надо что-то делать, нельзя становиться жертвенным бараном на мусульманском празднике.

Освободив от корзины дверь, Михаил прислушался и осторожно выглянул в коридор. Там никого не было. Стараясь не шуметь, пройдя по коридору, вышел в тамбур.

– В двери купе замков нет, но они могли закрыть переход во второй вагон, – предположил Михаил и нажал на ручку двери. Дверь оказалась открытой, – странно, – подумал он, – пойду к паровозу посмотрю, что там за агрегат.

Он прошёл через весь вагон и вышел в противоположный тамбур. На этот раз, на двери перехода к паровозу, не оказалось даже ручки, сама дверь была плотно закрыта. Через пустой тендер просматривалась кабина паровозной бригады, и там действительно никого не было. Локомотив двигался самостоятельно и бесшумно. На насыпи, блестящими нитками рельсов впереди состава, просматривался однопутный участок дороги.

Часть тендера вместо угля, была занята каким-то сооружением, похожим на громоздкий шкаф, из него, как разноцветные змейки выходили разнокалиберные провода и исчезали внизу.

Неожиданно из-за поворота появился тепловоз, с включенным светом, ведущий за собой товарный состав. Изгибаясь на повороте, он нёсся навстречу – столкновение было неизбежно, составы разделяло не более сотни метров!

Инстинктивно Михаил бросился к боковой двери, но она была заперта. С ужасом он смотрел на приближающийся тепловоз, за стёклами кабины был виден спокойно сидящий машинист. Громадная зелёная масса тепловоза нависла над паровозом, закрыв всё. Миша зажмурил глаза и вцепился в металлические прутья защищающие окно. Но удара не последовало, составы пронеслись один, сквозь другой, и вновь стало светло. Он осторожно открыл глаза, по сторонам, как и раньше, мелькали кусты и деревья, под горой несла свои бурные воды какая-то речушка. В побелевшей от напряжения руке, Миша держал нечаянно отломанный металлический прут.

Постояв немного и отдышавшись, не спеша вернулся в купе, в вагоне было по-прежнему тихо. Приобретённым прутком, уперев его в ручку и дверной косяк, он заблокировал дверь.

Неожиданно Михаил ощутил невероятную усталость от пережитого, лёг поверх одеяла и мгновенно уснул.

Дорога в никуда

Проснулся, как от толчка и тут же зазвонил телефон. С трудом оторвав голову от подушки, сел и посмотрел в окно. Вероятно, спал совсем недолго, речушка под горой по-прежнему несла свои воды по отмелям и перекатам, бликами отражая послеобеденное солнце.

Телефон вновь наполнил купе нетерпеливым звоном. Вспомнив события за обеденным столом, Михаил вполне серьёзно подумал:

– Не удивлюсь, если сейчас услышу незнакомый голос глухонемого индуса. В этом поезде всё возможно! Едут же в нём по советской земле фашисты, которые ещё и не знают, что, возможно, будут убиты тридцать пять лет назад, советскими солдатами, которые тоже давно уже покоятся в братских могилах на подступах к Берлину. Жуть какая-то, так и с ума можно сойти!

Голос Вигмана в трубке сухо сказал:

– Пройдите в штабной вагон!

– Ну, вот и всё! – пронеслось в мозгу. – Пулю в лоб, в мешок и в тамбур! Как-то несправедливо всё это, – мёртвые убьют живого! Только жертвенного барана из меня вряд ли получится, если выстрелит не сразу, я ему башку этой железякой точно размозжу.

Спрятав в рукав металлический прут, отправился в соседний вагон, с опаской открывая двери в тамбур и вагон. Никого, не встретив, прошёл в салон, Вигман ждал его возле стола курсопрокладчика, он был бледен и растерян. Мельком взглянув на Михаила, вновь повернулся к карте и торопливо пробубнил, как будто ни к кому не обращаясь:

– Давайте на время оставим вчерашние разногласия. Сейчас нам обоим угрожает вполне реальная опасность. Ранее я считал ненужным доводить до вас некоторые моменты нашего проекта. Но обстоятельства заставляют меня это сделать. Дело в том, что наш поезд пятый в серии проводимых испытаний, и не все из них, к сожалению, закончились благополучно. Второй и четвёртый составы, исчезли бесследно, и мы до сих пор не знали, что с ними произошло, где, по какой причине и когда?

Ганс циркулем-измерителем определял на карте расстояния до каких-то точек, записывал данные в чёрную тетрадь, смешно морща нос, удерживая сползающие очки.

Стараясь не встречаться с Михаилом взглядом, Вигман рассказал:

– Как вы уже знаете, радиосвязь с Берлином у меня пропала давно, – немец быстро обошёл стол, сделал очередной замер и продолжил. – Но только что я получил радиограмму из Японии, в ней сообщается, что в германское посольство в Токио, добрался, один из десяти участников четвёртой экспедиции, пропавшей в конце прошлого года. И вот, что он рассказал, – до какого-то времени путешествие шло удачно, но на подъезде к станции Тында, начались странности, состав, без всякой причины, вдруг остановился, через окна, снаружи вокруг вагона можно было наблюдать яркое свечение и мираж. От ручек окон и дверей било электрическим током, в своём купе, в душевой, погиб инженер путеец.

Его помощник буквально растворился в переходе из вагона в вагон, это видели ещё два сотрудника. В довершении всего, курсопрокладчик перестал работать, вычерчивая лишь прямую линию. В Тынде, вместо того, чтобы повернуть на север в сторону Якутска, как это делали предыдущие экспедиции, состав продолжал идти прямо, набирая скорость. Многие сотрудники почувствовали головокружение и тошноту, как бывает в самолёте, попавшем в воздушные ямы. Аппаратура выдавала совершенно противоположные временные значения, измеряемые столетиями. Люди оказались в мышеловке, несмотря на отсутствие магнитного поля воспрещающего выход, покинуть вагоны было невозможно. Общение с соседними вагонами осуществлялось лишь по телефону.

Почти сутки члены экспедиции находились в подавленном состоянии, ожидая неминуемой гибели. Спасшийся инженер-путеец ехал в последнем – третьем вагоне, там было установлено оборудование специалистов железнодорожников. Инженер участвовал в первой экспедиции и имел схему её движения. Как он утверждал, тогда они ехали, через Нерюнгри – Алдан – Якутск —Оймякон – Магадан и далее на северо-восток к Беринговому проливу.

Как считали другие специалисты, в этот раз маршрут может пройти: – от Комсомольска-на Амуре по берегу реки Амур, до населённого пункта Софийск, затем на Де-Кастри, Лазаревск, далее вдоль побережья Татарского пролива на Николаевск-на Амуре, Магадан и Берингов пролив.

Сбой в работе оборудования поезда объясняли тем, что в этом районе проводилось множество изыскательских работ по прокладке железных дорог и строительству различных объектов инфраструктуры. Многие, из которых, так и не были достроены.

Кто-то вспомнил, что во время учёбы в Дрезденском техническом университете, на одной из лекции по тоннелям, преподаватель рассказывал студентам, что в 1929- 30 годах в советском Приморье проводили подобные изыскания с целью строительства тоннеля под Татарским проливом на остров Сахалин. И на мысе Лазарева якобы даже велись работы по его прокладке. Но так и не были закончены.

По словам инженера, ближе к полудню вновь заработал курсопрокладчик, это немного успокоило членов экспедиции. Но переходить из вагона в вагон по-прежнему никто не решался.

Наконец прибыли в Комсомольск-на Амуре, миновав по мосту Амур, перешли на железнодорожную ветку Селихино – Чёрный мыс, и продолжили движение на северо-восток. Что совпадало с предполагаемым маршрутом: – Селихино, Де-Кастри, Лазаревск, Магадан и далее на Берингов пролив. Вынужденные пленники облегчённо вздохнули.

От посёлка Де-Кастри вдоль побережья Татарского пролива без приключений достигли посёлка и мыса Лазарева. Неожиданно поезд стал набирать ход, в среднем вагоне оглушительно завыл генератор локации. Его жуткий вой был слышен во всех вагонах.

По старой железнодорожной насыпи, воздвигнутой на намытом песчаном мысу, коротенький состав, как разъярённый зверь, бросился к водам пролива. Электрические разряды огненными хвостами тянулись за несущимися вагонами, стоял невообразимый грохот, как будто сотни молний одновременно обрушились с неба.

На повороте стал, виден выбрасывающий клубы чёрного дыма паровоз, несущийся к виднеющемуся впереди мрачному зеву, уходящего под воду, тоннеля.

Обезумевшие люди бросились в хвостовой тамбур, в надежде выскочить из этого смертельного клубка огня, электрических разрядов и сумасшедшего грохота.

Но впереди раздался мощный взрыв! Казалось, содрогнулся весь берег и прибрежные сопки. Последнее, что увидел чудом выживший пассажир, был разодранный взрывом вагон, исчезающий в пасти тоннеля. И, выброшенный оттуда через мгновение, сноп оранжево-белого огня и чёрного дыма.

Спасшегося путейца нашли и выходили местные жители. Он нанялся матросом на японскую рыболовецкую шхуну. После нескольких месяцев промысла сошёл на берег в японском порту Сакаиминато.

Всё это Вигман рассказал красочно, но достаточно быстро.

– Вы должны мне помочь! – начальственным тоном обратился он к Михаилу, – от того как быстро и слаженно мы сможем сделать всё необходимое, зависит наша жизнь. Как сообщил этот инженер, первым признаком какой-то неисправности оборудования, стало то, что станция Олёкма и её вокзал появились повторно, как мираж, почти через четыреста километров от места истинного нахождения. Как визуально за окном, так и на отметке курсопрокладчика, чему могло послужить наличие поблизости нескольких аномальных зон и отсутствие должной мощности локатора времени. Если бы в этот момент был включен его второй контур, всё могло бы пойти иначе. Наш состав не может двигаться назад, проскочив Тынду, мы никогда не сможем вернуться и поехать в сторону Якутска. Но и включение, второго контура возможно не более чем на три минуты, иначе он сгорит. То есть только с появлением этого миража я должен его включить на максимально безопасное время!

– Так в чём проблема? – не понял Михаил. – Включите!

– В хвостовом вагоне, где установлено оборудование, нет окон. И туда запрещён вход без защитного костюма, который надо надевать в шлюзовой камере. Я просто не успею дойти от окна в тамбуре вагона, облачиться и попасть к нужному пульту. Вы меня понимаете? Нашему глухому индусу я так и не смог объяснить, что делать!

Уловив замешательство Михаила, Ганс более мягким голосом признался:

– Я тоже ненавижу этот бестолково сделанный поезд, и всю эту поездку! И проклиная день, когда я согласился ехать! На это были свои причины! – Ганс выдержал паузу, – так вы согласны, или нет? – вновь, нетерпеливо спросил он.

– Что я должен делать?

– Ничего сложного нет. Вы с телефоном в руках находитесь в этом – штабном вагоне, внимательно наблюдая в окна. К сожалению, я не знаю, с какой стороны может появиться мираж. Как только он возникнет, поднимите трубку телефона. В шлюзовой камере тоже есть телефон, я получу сигнал и включу это дьявольское устройство. Надеюсь, вы помните, как выглядит вокзал Олёкмы?

– Двухэтажное длинное здание с помпезным столбом и полукруглой аркой над входом, наверху надпись «Олёкма»!

– У вас хорошая зрительная память! – похвалил немец, – я думаю, через часок мы будем в предполагаемом месте. Если вы ошибётесь, тут же дайте «Отбой».

Вигман ушёл. Михаил поставил кресло лицом по ходу движения так, что можно было видеть окна по обеим сторонам вагона. Телефонный аппарат, вместе со столиком, размотав почти весь запас кабеля, поставил рядом с креслом. Сел и стал наблюдать, размышляя:

– Совершенно непродуманный состав экспедиции. Как один человек сможет управляться с оборудованием, размещённым в трёх вагонах, так далеко друг от друга? Для такой серьёзной организации, как «Аненербе», это несерьёзно! Вроде конструируют, что-то новое и довольно успешно, перемещают во времени и пространстве. Но во всём чувствуется какая-то мистика и древность, времён идолопоклонников, шаманов, индусских магов и заклинателей. Даже время включения сложнейшего прибора определяют по какому-то миру. А почему бы не по полёту дятла? – Михаил поднял трубку, на том конце провода послышался глухой голос Вигмана:

– Слушаю!

– Проверка связи! – усмехнулся Миша, – наверное, надел на себя защитные доспехи, и сидит в шлюзовой камере парится, – тевтонский рыцарь! С чудом спасшимся немецким инженером тоже ничего не ясно? Давно, в каком-то журнале, вероятно, «Техника молодёжи», Михаил что-то читал о Сахалинском тоннеле. После капитуляции Японии осенью 1945 года, весь остров стал принадлежать Советскому союзу. С предыдущей Русско-японской войны 1905 года и поражении в ней России, японцы успели построить на острове железную дорогу. В 1950 году Сталин поставил вопрос о соединении сахалинской и материковой железных дорог тоннелем через Татарский пролив. Были разработаны проектные документы и начато строительство, но после смерти вождя, оно было приостановлено, а затем свёрнуто. Журнал приводил свидетельства участников строительства. Одни утверждали, что тоннель был почти готов, но затем прорвавшаяся вода затопила его. Другие приводили свидетельства того, что работы находились только на первом этапе и к проходке основного тоннеля строители не приступали. Журнал так и не выяснил истину.

Внезапно за окном разлился какой-то особенный свет, схожий с северным сиянием. Из лёгкого тумана проступили строения, здание вокзала, как показалось Михаилу, слегка колышущие и от этого, какие-то нереальные. Причём видение двигалось вместе с вагоном, как бы давая возможность разглядеть себя. Он никогда не видел ничего подобного и был ошеломлён. Схватив трубку телефона, закричал:

– Вижу с левой стороны, включаете!

Через некоторое время послышался свистящий, нарастающий звук, пол вагона задрожал, за окнами мелькнули молнии. Звук нарастал и становился невыносимым, он буквально сжимал голову тисками, казалось ещё чуть-чуть и где-то там, наверху, что-то оглушительно лопнет, не выдержав нагрузки и, скопившийся там звук, сокрушительным обвалом рухнет на землю. Из глубины вагона появился шатающийся индус, обхватив голову руками, он, согнувшись, как против ветра, медленно шёл к Михаилу.

Свечение за окнами пропало, вновь стали видны зелёные сопки, колышущийся вокзал исчез, как будто его и не было. Внезапно свист прекратился, но вибрация пола продолжалась довольно долго, словно под полом вращался громадный маховик.

Индус сел на пол, непонимающе глядя на Михаила.

– Вот было б здорово, если бы он нечаянно заговорил! – усмехнулся Миша, и махнул рукой, чтобы слуга возвращался к себе.

Индус исчез, как мираж. Хлопнули двери тамбура, в вагон зашёл мокрый, распаренный, красный, как из бани Вигман:

– Я думаю, у нас получилось? – спросил он, отдуваясь и вытирая лысину платком.

– Доедем до Тынды тогда и узнаем, – ответил Михаил, повернет поезд на север, значит, будем жить. Нет, значит, погибнем, хотя для меня разницы нет, – неделей раньше, неделей позже! Не так ли?

Немец не ответил, склонившись над курсопрокладчиком:

– Скажите, а ложная отметка Олёкмы появлялась?

– Я не смотрел, не до этого было. Голова чуть не лопнула от вашего свиста.

– У меня внутри агрегата, было сравнительно тихо!

– Тут ваш индус выполз в салон, и чуть не сдох! Но самостоятельно вернулся в свою нору!

– По моим подсчётам, до Тынды минут тридцать хода. Пойду приму душ и переоденусь.

В ожидании немца, Миша сходил к себе и спрятал металлический прут между стенкой и полкой, на которой спал.

Место где перепрягают оленей

Вскоре Вигман вернулся, молча занял кресло в противоположной от Михаила, стороне салона.

Миша тоже молчал, разговаривать не хотелось, и говорить было не о чем. Если поезд после Тынды не повернёт на север, разговаривать можно будет лишь об одном – как достойно погибнуть.

– Интересно, вдруг поезд действительно не повернёт и помчится, как его предшественник, в этот ужасный тоннель? Какие новые ощущения и мысли могут прийти в голову? Несмотря на то, что в жизни Михаила были разные ситуации, в силу возраста он никогда не задумывался о возможности скорого конца. Обстановка требовала решения тех ситуаций немедленно, от этого зависела не только его собственная жизнь, но и жизнь подчинённых ему людей. На раздумья и копание в мыслях и чувствах просто не оставалось времени. А когда угроза миновала, проводить осмысленный анализ не было необходимости, – одинаковых ситуаций не бывает! А тут, до этого проклятого тоннеля ехать, да ехать, и всё это время в голове будет стучать – «ну, вот и всё!». Самое страшное, что подобную ситуацию контролировать и исправить невозможно, её вообще никто не контролирует! Ни фюрер, ни «Ананербе», ни тибетский мудрец!

За окнами вагона по-прежнему теснились сопки, изумрудной зеленью на фоне темно-зелёных елей, радовали глаз распадки, а Тынды всё не было. В груди нахлынувшей волной растекалось нудное беспокойство.

– Сахалинский мыс, где начинали строить тоннель, назывался, кажется, Погиби, – «место поворота» на местном языке. Вместо поворота вышел-то тупик! Как рассказывал один из первостроителей, название Тында переводится с эвенкийского, как – «место, где перепрягают оленей». Может, посчастливится и олени, на этот раз, повезут куда надо? – подумал Михаил.

Наконец вдали появились строения населённого пункта. Россыпь одноэтажных домиков на склоне горы. Бесчисленное количество железнодорожных путей, громадные склады, больше похожие на просторные самолётные ангары. Защищённый от ветра и зимней стужи пешеходный переход над путями. Ряды белоснежных высоток за рощей, телевизионная вышка.

За крышами стоящих поездов появилось здание вокзала – два белоснежных пилона вознесённые к небу. На фоне города, сопки и тайги он выглядел по столичному футуристически.

– Город Тында – столица Байкало-Амурской магистрали, крупный железнодорожный узел. Построен в послевоенные годы, усилиями советского народа, по решению Коммунистической партии, – голосом гида объявил Михаил.

Ганс, не отрывая взгляда от окна, промолчал. Поезд несколько раз менял направление движения, порой казалось, что состав крутится на месте. Вскоре за окнами вновь потянулись бесконечные леса и редкие посёлки.

Никто не решался первым подойти к курсопрокладчику, боясь спугнуть удачу и увидеть отрицательный результат. Первым не выдержал Михаил и подошёл к столу, – красная ниточка пройденного пути медленно ползла к верхнему обрезу карты.

– Мы едем на север! – громко объявил он.

Ганс быстро поднялся и подошёл к карте:

– Вы правы, опасность позади, мы движемся на север! Для инженера автомобилиста у вас неплохие знания топографии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.